

СМЕНА

ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ
МОЛОДЕЖИ

21

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Шестое чучел (на Октябрьских демонстрациях в Москве)

Фотолюбительство в России после застоя во время войны и блокады снова возродилось. Сейчас фотолюбительство нашло широкий отклик в массе рабочего населения, главным образом среди нашей молодежи. С каждым днем увеличивается сеть фото-кружков в клубах предприятий, заводов и учебных заведений.

Перед массовым фотолюбителем стоит большая задача. От увлечения фотографией, как забавой, как предметом приятного времяпровождения, он должен перешагнуть в серьезной роли фиксатора жизни.

Бестемный фото-эпюд должен уступить место снимку, который отражал бы тот или иной момент нового быта или строительства страны и являлся бы ценным революционным фото-документом.

Надо изучить для этого все свойства своего аппарата, а также, помня о могущественных вспо-

могательных факторах при с'емке, как-то: композиция, свет и др., суметь дать наиболее сильный, впечатляющий читателя снимок. Снимок должен остановить на себе внимание читателя, запомниться. Снимок должен говорить за себя без пояснительного текста. И трудность здесь заключается главным образом не в преодолении технических моментов фотографии как-то: выдержки, проявления, печатания и т. д.

Трудность заключена в умении подойти к данному сюжету, «преподнести» его так, как его не видят другие. Здесь перед человеком, вооруженным аппаратом, открывается широкое поле деятельности. Так, один фотограф, снимающий Волховстрой, вместо турбинного зала, снял в соседней деревне деревенского мальчика, с изумлением глядящего на невиданную доселе электрическую лампочку в избе. Шаблонный снимок идущей со знаменами толпы можно оживить, поставив на первом плане «кадра» развесистое дерево или пару наблюдающих крупных человеческих фигур. А есть фотографии, присылающие в редакцию скучные группы людей, уставившихся в аппарат, снятых по ринному способу: «спокойно, снимаю». Фото-рабкор должен от этих дедовских методов отказаться и научиться живо и интересно подавать свои снимки для журналов, искать новых путей, проявлять инициативу и изобретательность.

ФОТО-КОНКУРС «СМЕНЫ» № 1

К ЧИТАТЕЛЯМ. Учреждая с настоящего номера фото-уголок, редакция идет навстречу многочисленным письмам и запросам читателей. Фото-уголок «Смены» из номера в номер будет давать необходимый материал фото-кружкам, практические советы начинающим, популярные статьи о том, как нужно и как не надо снимать.

Кроме того, «Смена» организует целый ряд фото-конкурсов. Первая тема «Жизнь и быт молодежи» открывает перед фотолюбителем широкое поле инициативы.

ПРАВИЛА КОНКУРСА

1. В конкурсе приглашаются принять участие все желающие читатели «Смены».
2. Сюжет снимков не ограничивается, снимок должен только соответствовать теме «Жизнь и быт молодежи СССР».
3. Каждый участник конкурса может прислать любое количество снимков (желательно не сколько).
4. Размер снимков не ограничивается.
5. На оборотной стороне каждого снимка должны быть указаны:
 - а) Фамилия и адрес участника конкурса.
 - б) Место его работы.
 - в) Название снимка.
 - г) Пометка в левом углу (снизу) конкурсу № 1.
 - д) Дата, место с'емки и точное название снятого.
6. Все доставляемые на конкурс снимки должны быть адресованы на адрес: Москва, Новая площадь, д. 6/8, редакция «Смены». В левом нижнем углу конверта должна быть пометка: фото-конкурс № 1.
7. В пакеты, присылаемые на конкурс, должен быть вложен талон конкурсу (см. в № 22 «Смены»).

8. Все почтовые расходы по пересылке должны быть оплачены отправителем.
9. Премиированные снимки поступают в собственность редакции «Смены».
10. Снимки, присланные на конкурс, обратно не возвращаются.
11. Последний день присылки снимков установлен 15 января 1928 г.
12. За снимки, признанные наилучше отвечающими заданиям конкурса, назначаются премии (денежная премия по желанию может быть заменена фото-материалами).
- Премии установлены следующие:

1-я—30 р.,	2-я—25 р.,	3-я—20 р.	и 4-я—15 р.
------------	------------	-----------	-------------

 Кроме того, 5 премий в виде годовой подписки на «Смену».
13. Решения жюри по окончании конкурса будут опубликованы в «Смене» и «Комсомольской Правде».

Примечание. В конкурсе не имеют права участвовать фотографы-профессионалы.

СОДЕРЖАНИЕ: ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ и ЛЕНИНГРАДЕ. О. ЭРДБЕРГ. — О русских парнях (очерк). **МИХ. Д.—Ухабы.** **М. БОРОЗДИН.** — Дети красного Китая. **Я. ЮДИЦКИЙ.** — Родина молодости. **С. ЧЕКУЛАЕВ.** — Родители (стихотворение). **РОНИ СТАРШИЙ.** — Блестящий свет (роман). **СТРАНИЦЫ БЫТА.** — Не подражай буржуа. **Комсомолец** — отец. **А. КАРЦЕВ.** — Именем республики (очерк). **В. ЧЕРЕВКОВ.** — Смерч (рассказ). **ЕЛЕНА Л.** — Жидкий цемент (по поводу новой повести Ф. Гладкова). **Р. КАРМЕН.** — Я снимаю. Фото-конкурс «Смена» № 1.

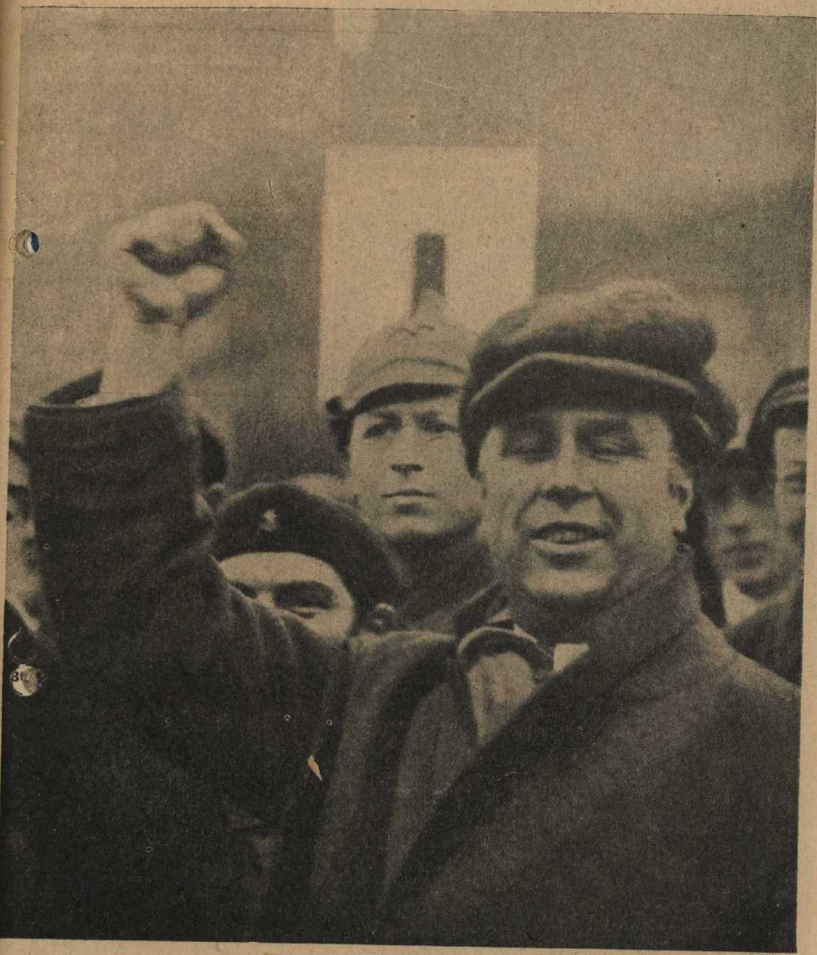
СМЕНА

ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ
МОЛОДЕЖИ
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВ-
СКОГО КОМИТЕТОВ ВЛКСМ

№ 21

НОЯБРЬ

1927 г.

Вайен-Кутюрье — французский коммунист — приветствует колонны демонстрантов на Красной площади в день 7-го ноября

ДНИ ВЕЛИКОГО ЮБИЛЕЯ

Иллюминация Московской электрической станции

Накануне праздника села, деревни, станицы, аулы, города и столицы Советского Союза осветились огнем иллюминаций, к зданиям прикреплялись знамена стяги, через улицы протягивались яркие полотнища, сверкали светом окна клубов, изб-читален, театров, происходили торжественные заседания, где тысячи слушали и вспоминали великий день 25 октября 1917 года.

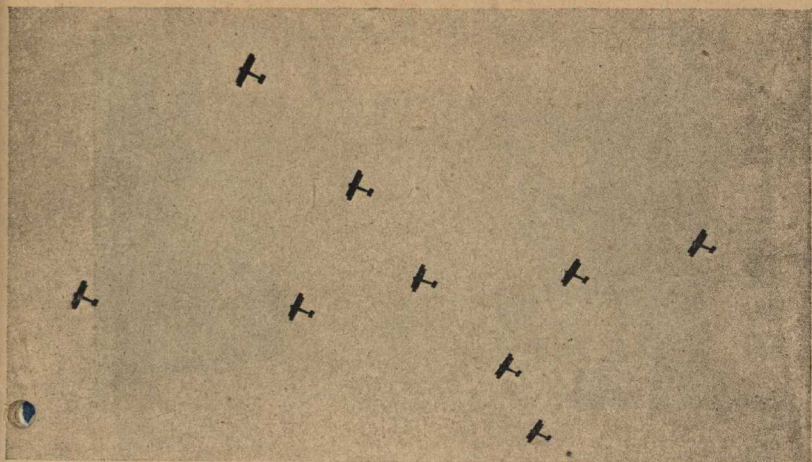
В эти же дни в республиках шли закладки новых зданий школ, электростанций, заводов и фабрик, рабочие вселялись в новые дома, открывались десятки яслей, школ.

Сотни приветствий получил десятилетний союз, со всех стран всего мира.

Десятки иностранных рабочих делегаций с Запада и Востока, приехавшие в СССР, вместе с раскрепощенным пролетариатом восторженно праздновали десять лет небывалой борьбы, небывалых побед.

Рокот моторов притягивает глаза к небу

Демонстрация воздушных эскадрилий

8 ноября, во второй день праздника, после шума демонстраций и торжеств на краю Москвы, на центральном аэродроме столица праздновала... «Наш ответ Чемберлену».

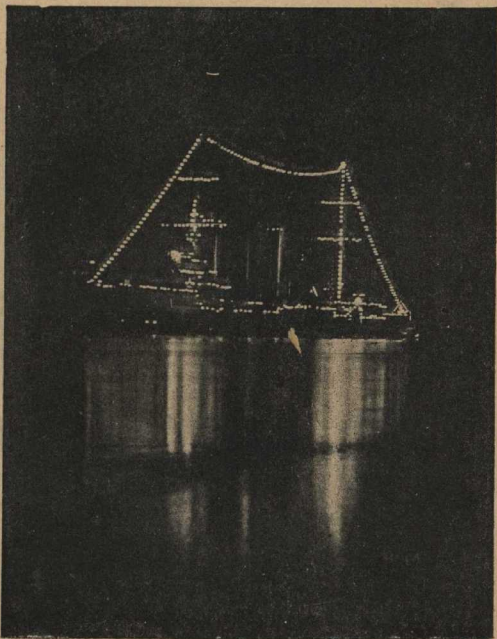
30 новых самолетов, выстроенных на деньги трудящихся, в серых чехлах глиняной вереницей раскинулись по полю.

Сотни тех, которые жертвовали трудовой рубль «На ствол», с нескрываемой радостью осматривали 30 боевых аэропланов. На торжество также прибыли 800 иностранных делегатов.

Краткая речь тов. Уншлихта:

— Это наш ответ на дерзкий вызов английского империализма.

... Взвиваются в воздух, гызывая всеобщий восторг, стальные птицы на крыльях которых краснеют четкие буквы: «Наш ответ Чемберлену».

Праздничные огни исторической «Авроры»

Октябрьские дни в Москве и Ленинграде

О РУСЫХ ПАРЕНЬКАХ

О. ЭРДБЕРГ

Молодежи сегодняшнего дня мало известен опыт большевистского подполья в годы гражданской войны. А этот опыт изобилует массой напряженных моментов, в которых требовалась решительность действий и оценок. Автор очерка «О русских парняхках» делится своими переживаниями тех лет. Эрдберг рассказывает прошлое так, что оно срастается со многими вопросами нашей современности.

Ты спрашиваешь меня, почему я так глубоко верю в каждого из этих русских пареньков, которые ходят к нам в клуб.

Странный вопрос! Неверие в людей, болезненная подозрительность—это то, что осталось нам в наследство от прошлого, когда человек человеку был волк. Но я все же хочу рассказать тебе, как это со мной случилось...

Федор-Броневик

В 1918 году я считал себя ярым большевиком, был уже «организованным», с пеной у рта бросался на всякого, кто сомневался в «революции». Как-то кого или осуждал «разгон учредилки»...

В марте месяца наш город был занят немецкими оккупационными войсками, тяжелой поступью они прошли по улицам, запыленные, серые, с винтовками за плечами и тяжелыми пулеметами.

Красные флаги были сорваны, в городе стало жутко, тихо и сиротливо, многие из наших юных товарищей были арестованы. Прошло довольно много времени, прежде чем я нащупал связь с подпольной организацией и как-то вечером направился в рабочий клуб, где меня обещали свести с начальником штаба боевой дружины... В «чайной комнате» клуба было темно, как в аду, когда меня повели за группу запыленных декораций мой спутник сказал мне: «Вот, товарищ Фед... Федя, я привел Эрдберга».

Кто-то взял меня за руку и подвел к окну. С улицы проникал неверный мигающий свет газовой фонарей: передо мной стоял юноша лет 18-ти, коренастый, сильный, с грубым лицом, в серой рубашке и пристально смотрел на меня.

— Где же ты прятался до сих пор? Поздно пришел...

Это было для меня хуже пощечины. Я думал, что иду на «геройство», на «подвиг».

Шутка сказать: подпольная боевая дружина. Впервые в жизни я спускался в такое глубокое подполье. Ведь это не то, что переписывать в классе под партией за пару недель до Февральской революции глупую прокламацию в день открытия Государственной думы. И вдруг: «Где ты прятался?»

Так я встретился в этом году с Федором— «Броневиком», как его называли. Я сразу настроился враждебно к нему. Но потом, когда нам пришлось вместе пробыть много месяцев в подполье, я раскусил его. По сегодняшней день я не знаю, кем он был: металлистом или швейником. Но и металлисты и швейники считали его за «своего». Со всеми одинаково суровый, он был вместе с тем самым добрым парнем, которого мне только пришлось видеть. В тот вечер, когда мы с ним встретились, он только что вышел из тюрьмы.

И вот вдруг появляется гимназистка и просит связи в тот момент, когда группа товарищей уже успела посидеть и выйти из тюрьмы. Этого «Броневик» не прошал, но он умел прощать другое. И вот что...

Через несколько месяцев войска, тогда «красного» атамана Григорьева, вновь стали приближаться к нашему городу. Рабочие встали, вооружились, боевые дружины вышли на улицу и ввязались в бой с оккупантами. Наша боевая дружина заняла большой особняк у спуска к морю и, когда в городе уже немного успокоились, патрулировала по прилегающим улицам.

Он меня ограбил!

День выдался особенно неспокойный: утром на улице была большая перестрелка, вечером нам пришлось разоружить часть нашей собственной боевой дружины, состоявшую из случайно примкнувших к нам людей, а ночью Федор затеял обход района. Он выбрал человек 10, большей частью из «комсостава», оставив всех, хотя мы были «комиссарниками», стать в строй. Под проливным дождем, в крошечной тьме мы рассыпались цепью и двинулись вниз по улицам.

Через полчаса мы услышали какой-то шум и, подойдя ближе, увидели матроса—огромного детину, который широким австрийским штанком взламывал доски газетного киоска. Мы арестовали матроса и с двумя нашими ребятами отправили его к нам в штаб, хотя он шумно протестовал, заявляя, что мы неимеем право отправить его только в штаб его отряда.

А, пройдя еще полверсты и напряженно прислушиваясь к беглой перестрелке, где-то в соседних улицах, мы натолкнулись на господина в котелке, который стоял в нише каменного дома и жалобно хныкал. «Что случилось?»—«Меня ограбили...»—«Не лажь, рыбий глаз, по улицам», бросил Федор. Однако, забрав с собой и господина. Под утро вернулись в штаб. Наш «господин в котелке», увидев плененного нами матроса, стал показывать на него и кричать: «Он меня ограбил!».

Матрос невозмутимо хралел, раскинувшись на бархатном диване.

Мы растолкали нашего пленника и устроили очную ставку. Матрос немного уже протрезвился и твердил, что он в первый раз видит «ту рожу в котелке».

— Сколько у тебя ограбили?—спросил Федор у «котелка». Тот назвал цифру и, обыскав тщательно матроса, мы нашли всю сумму полностью в подкладке его бушлата.

Обыскивающий протянул деньги «господину». Но раньше, чем мы успели повернуться, матрос вырвал деньги и стал рвать их на мелкие кусочки.

А «котелок» стоял с открытым ртом и смотрел, как его «кредитки» превратились в обрывки бумажек.

Ты думаешь, что Федор примерно наказал матроса. Нет. Он подошел к «господину в котелке» взял его за шиворот и, стянув ему ворот так, что у того посинеело лицо, спросил:

— В каком банке деньги взял?

— В Русско-Азиатском,—прохрипел «господин».

«Броневик» размахнулся дал хорошего подзатыльника, и обездоленный капиталист вылетел за дверь.

— Я не понимаю только одного,—сказал «Броневик», обращаясь к матросу,—зачем ты взламывал киоск?

— Буржуийские газеты жечь. Вместо Центропечати.

— Ну, а теперь проваливай и больше не попадайся к нам.

Матрос забрал свой «кольт», австрийский штык и «был таков».

А Федор подвел итог: «Парень пьет не для того, чтобы напиться, а чтобы бутылки были пустыми».

Когда я позже поразмыслил над этим инцидентом, я понял: матросу не столь важно было присвоить себе эти деньги «буржуийские», как о т н и я т ь их у буржуа. А делал он это потому, что считал, что «каждый сам себе и Центропечать, и Госбанк». Федор полагал, что важнее набить шею буржую, который в момент перехода власти постарался вынуть деньги из банка, чем прочувствовать пьяного матроса, с которым дело еще может быть обойдется.

Еще через полгода, когда к нам гордо опять пришли белые, они убили одного нашего комсомольца. Я отправился в морг искать его труп. И тут мне снова пришлось встретиться с тем матросом. Он лежал на каменном полу широко раскинув руки с застывшим неподвижным лицом, а у которого заперлись слугки коври. Он был одним из многих, погибших при защите города.

Федора, «Броневика», я больше не видел. Но я знаю, что он повешен колчакотами где-то а Урале, кажется на Ижевском заводе, на переплете заводских ворот.

«Господин в котелке»... Ну, это уже не важно. Я расскажу тебе о втором случае.

Дело Вукуревича

Это происходило уже гораздо позднее: в марте 1920 года в одном из городов Крыма, который тогда, как ты знаешь, находился под властью генерала Врангеля.

Я с моим другом Станиславом, который работал на кожевенном заводе «Луч», руководили тогда подпольной боевой комсомольской дружиной и работали в партийной «контр-разведке».

Уже две недели ломали мы себе голову над одним поручением ревкома. Стася, когда ему что-нибудь не удавалось, не находил себе места, не мог спать и есть и все время твердил одно и то же. Так, в этот день мы сидели в мастерской на боченках и табачным дымом старались заглушить тяжелый запах мокувших кож. Стася сосредоточенно смотрел на большой чан и твердил: «Кто б это мог быть?»

Да, действительно, кто б это мог быть? Дело заключалось вот в чем: уже несколько недель местные богатеи стали получать от имени подпольного ревкома угрожающие письма с требованием принести в определенное место деньги, в противном случае им угрожает смерть. Налуганные обыватели приносили деньги. Ревком узнал об этом, и, учитывая, что это ведет к полному подрыву авторитета партии, решил прекратить безобразие.

Мне и Стасе было поручено в 2-недельный срок обнаружить мошенников.

Но назначенный срок подошел к концу, а мы все еще ничего не обнаружили. Стасик и я нервничали. Нам приходилось много раз выполнять более серьезные поручения, но успех их всегда зависел от одного: достаточно ли метко бьют наши «маузеры». Здесь же надо было сидеть и «ждать у моря погоды». Пока «агенты» нашей «разведки» донесут нам, что такой-то буржуй получил письмо, только тогда можно было начинать действовать: итти по горячему следу.

Мы уже почти потеряли надежду, когда в мастерскую вошла белокурая Нина, или, вернее, не вошла, а влетела, как бомба, и пропела: «весь».

— Что, кто, где?—набросились мы. Нина была одной из лучших «разведчиц», и она, наверное, не ошибется. Если уже узнает, то наверняка.

— Вукуревиц, писчебумажник с Пушкинской. Он получил вчера вечером. 200.000 рублей. Письмо с печатью. Он живет...

— К черту!—закричал Стася.—Он живет против своего магазина. Знаю. Я у него полтора года служил «мальчиком». Порядочная скотина! Но как мне к нему итти? Ведь он меня знает, как свои пять пальцев.

— Ну, я сам пойду...—предложил я.

— Нет уж лучше вместе.—И Стасик стал горячо излагать план действий.

Через полчаса мы уже звонили у парадного подъезда Вукуревича. Нам открыла прислуга и провела нас наверх, подозрительно осматривая.

Через несколько минут вышла жена хозяина с заплаканными глазами, сразу узнала Стасю, несмотря на поднятый воротник и низко напыленную картуз. Она стала жаловаться на свое горе и подробно рассказывать нам о письме.

— Что, опять хочешь к нам поступить?—спросила она Стасю.

— Я? Нет... т.-е. да. А скоро придет г-н Вукуревиц?

— Он пошел посоветоваться с компаньоном: заявлять ли в полицию о письме.

— О, черти, если они заявят в полицию, значит, мы ничего не узнаем!

Стасик стал задавать вопросы хозяйке и, ловко клоня разговор к определенной теме, натолкнул ее на мысль показать письмо. Она «выплыла» из коридора и сейчас же вернулась обратно с этим бумагой в руках. Когда Стасик взял письмо—я увидел, что он побледнел. Я осторожно подвинулся, перегнувшись через его плечо и посмотрел на письмо—у меня буквально потемнело в глазах. Это был н а с т о я щ и й бланк нашего ревкома, с н а с т о я щ е й, ревкомовской печатью.

— Кто-то из своих работает!—вырвалось у Стаси.

— Что ты говоришь?—не поняла хозяйка.

Но Стасик уже овладел собою. «Я говорю: какие сволочи!»—ответил он. Раздался звонок, и в коридор вошел Вукуревиц. Он удивленно смотрел на нас, узнал Стасю, и раздраженный стал слышать словами:

— Вот видишь. Ты же всегда был за рабочих. Вот чем занимают твои «рабочие» большевики. Вымогатели, воры...

— Г-н Вукуревиц мы имеем к вам очень важное дело. Можно с вами поговорить?

Удивленно поглядывая на меня и Стасю, хозяин провел нас в кабинет, сел в кресло и, оставив нас стоять с шапками в руках, спросил:

— Ну, в чем дело?

Я мигнул Стасе—он подошел к двери и запер ее на ключ, возвратился, отодвинул телефонный аппарат от хозяина и стал таким образом, чтобы загорючить окно.

— Г-н Вукуревич,—начал он,—мы представители ревкома.

— А, теперь я понимаю,—простонал хозяин.— Это твоя работа, Станислав! В тюрьме сгною!..

— Нет, вы ошибаетесь, г-н Вукуревич.

И я быстро изложил ему сущность дела. Он сначала не верил. Мы пред'явили ему наши мандаты на полотно. Они произвели впечатление. После долгих уговоров и угроз Вукуревич, наконец, согласился на наш план. Он был очень прост. В письме хозяину предлагалось сегодня вечером положить конверт с деньгами в желоб дождевой трубы у ворот проходного дома, который находился в темном маленьком переулке против старого здания почты. Мы условились, что через полчаса Вукуревич будет там и положит конверт с нарезанными газетными листками вместо денег.

Окольным путем пробрались мы к назначенному месту и никем незамеченные вошли в почту и устроились в большом зале «почтовых отправлений», из окон которого было удобно наблюдать все, что происходит в переулке. Минут через десять раздался стук колес, и на углу показалась карета.

Все остальное разыгралось в течение нескольких минут. Из кареты вышел Вукуревич, осмотревшись по сторонам, вложил в дождевую трубу большой синий конверт. Потом мы опять услышали стук колес по мостовой, и карета скрылась из виду. Минуты через две из тех же ворот вышел высокий худой юноша, наклонился к трубе, вытащил конверт и вложил его к себе в карман. Очутись на улице для меня и Стасы было делом 10 секунд. Вдруг раздался крик: «Держи, держи их». С угла бежал Вукуревич и два еще каких-то субъекта. Юноша из ворот дома оглянулся и, посмотрев в сторону кричащих, бросился во двор... Для нас было ясно, что он уже уйдет, потому что двор этот был проходной. Но для нас было довольно того, что мы видели. Стася стоял бледный, как полотно, я дернул его за рукав, мы очутились снова в помещении почты, захлопнули за собой дверь, задинули засов и спокойно вышли с другой улицы через помещение телеграфа. Здесь только я заговорил:

— Ты видел, Стася?

— Видел.

Он наклонил голову и быстро шел вперед, не замечая пути. Случилось то, чего мы меньше всего ожидали: в юноше мы узнали брата Стасы, ученика-токаря—Володьку...

Мы наняли дрожки и быстро поехали на квартиру Стасы для того, чтобы прибыть туда раньше Володьки.

Арест Стасы

Этого 19-летнего Володьку я знал хорошо. Он был, безусловно, нашим парнем, но теперь, конечно, с ним надо кончить. Как он все устроил, было ясно: у Стасы на квартире храни-

лась печать и бланки ревкома. Володька подглядывал, где они спрятаны, и воспользовался ими.

— Сейчас же расстрелять!—твердил Стася, сжимая кулак. Мне стоило большого труда уговорить его ничего не предпринимать до решения парткома.

Стася сидел угрюмый и мрачный, как туча. Он ввел своего брата в организацию и сейчас чувствовал себя ответственным за его преступление. Отпустили извозчика, очутились дома. Минут через 15 постучали в дверь, и в комнату вошел Володька. Он был удивлен нашим присутствием, все время держал одну руку в кармане, как бы надувшаяся содержимое конверта, но старался сохранять спокойствие.

— Что, с работы, Володя. Чего так поздно?—спросил я.

— Нет, я гулял.

Пока старуха-мать готовила ужин, мы сели с ним играть в шашки.

— Что же ты так неудобно сел, Володя, вынь руку из кармана.

— Нет, ничего, мне удобно,—протянул он.

— Что у тебя там в кармане, деньги?—спросил я.

— Деньги... Нет, то-есть да. Я сегодня получил за работу,—голос его дрожал.

— Много ты получил? А, ну, покажи.

— Да, много.

— Смотри не просчитайся.

Он вытащил конверт из кармана и дрожащими пальцами вскрыл его. На пол выпали газетные лепестки.

Мы тут же арестовали Володю и отправились с ним на явку парткома.

Поздно ночью партийный суд судил его. Он сознался во всем и рассказал, что мысль заняться этим делом пришла в голову его товарищу, сыну лавочника с их двора. У него и хранятся деньги. Стася настаивал на расстреле. Володя ничего не говорил, но было видно, что он сам предпочитает расстрел всей этой позорной истории.

Партсуд приговорил его к «условному расстрелу».

После этого Володю отправили в лес, в наш партизанский отряд. Он проделал с отрядом всю кампанию, дрался как лев, не выходя из строя, будучи даже раненым.

Позже, во время разведки, он был арестован, препровожден в тюрьму. Его били и пытали зверски. Офицеры четыре часа мучили его и, когда он терял сознание, обливали его холодной водой и снова продолжали инквизицию.

Володя не проронил ни слова, ничего не выдал, никого не назвал. Это было искупление.

Володя сейчас работает на фабрике. Стася работает в исполкоме в каком-то уездном городишке необ'ятной России. Г-н Вукуревич... Ну, да это неважно. Ты и так видишь уже, что не только «Броневики» и Стася, но и «матрос-центрпечать» и Володя—наши люди.

А г-н Вукуревич, который в последний момент решил убить двух зайцев: и коммунистов и вымогателей, или «господин в котелке», хотя они и были лишь «невинными страдальцами и жертвами»,—все в тысячу раз грязней, подлей и опасней для нас.

Вот почему я, дорогой друг, так люблю всех этих русских парнишек, которые ходят в наш клуб. Они—все будут нашими.

«Ухабы» — производственный кадр: Выдувальщик холста.

Ставить вопросы кино, отмечать все интересное и значительное, появляющееся в области этого «быстро действующего» искусства, мы считаем одной из серьезнейших задач журнала молодежи.

Рекламы, яркие афиши, электрически зазывающие под эзды кинотеатров, доступность притти и на месте купить билеты — все это незаметными толчками оказывает огромное влияние на массового потребителя. И нигде, как в кино, часты случаи, когда халтурное и убогое создает хвосты у касс, а действительно ценное проходит незамеченным. Нет еще, особенно среди молодежи, определенного кино-вкуса. Часто самые непримиримые между собой направления (напр., Гарри Пиль и «Броненосец Потемкин») уживаются в фантастических вкусах юного зрителя...

Очень трудно пока еще ставить бытовую фильму.

К фильму «Ухабы» это имеет непосредственное отношение.

Сценарий фильма, сделан режиссером А. М. Роом и В. Б. Шлюским по рассказу рабкора Дмитриева, напечатанному в ленинградском журнале «Резво», зачитывавшемуся на целом ряде комсомольских и рабкоровских собраний.

Сюжет фильма таков: молодой рабочий-стеклодув Павел, член партии, женится на комсомолке Тани, работающей в шлифовальном отделении стекольного завода. Рождающийся у них ребенок не располагает Павла к семейной жизни.

„У Х А Б Ы“

МИХ. Д.

Его раздражают пеленки, его злит новая домашняя обстановка, и он начинает тяготиться своей семейной жизнью. Он бросает семью и сходит с работы-рисовальщицей Лизой. Тани, сокращенная к тому же с завода, остается одна с ребенком на руках. Тяжелые условия жизни Тани, материальная необеспеченность вынуждают ее пренебречь общественной и партийной работой, и она постепенно отходит от комсомола.

Этот отрыв заставляет ячейку поставить вопрос о Тани. Учтя особенность ее положения, ячейка просит завком о восстановлении Тани на заводе. Таню принимают на работу, ребенка она устраивает в заводских яслях и вновь отдается общественной работе. У Павла жизнь не ладится с Лизой. Она оказалась простой мешанкой, и он скоро пришел к убеждению, что Лиза не заменит ему Таню. Наконец, он снова на холостом положении, т. к. расходится с Лизой.

Таня, принимающая живое участие в работе клубного драмкружка, играет в пьесе роль, случайно схожую с той ролью, которую ей уже пришлось сыграть в жизни. По ходу действия, во втором акте ей приходится произносить слова: «Ты бросил меня, ты стал чужим мне и ребенку», — и обращаясь к своим товарищам-работникам и рабочим, восклицает: «Можно ли так поступать с женщиной?» Публика взволнована, зная историю Тани, остро переживает ее слова, и взгляды всех устремляются на присутствующего здесь Павла. Через несколько дней Павел приходит в партколлектив и просит о перебриске его на работу на соседний завод. Его застыдили и ему тяжело здесь работать. Павел уезжает, но уезжает вместе с Таней, они помирились, Павел сознал свою ошибку.

Актерам, занятым в фильме, Барановской, Ольгиной, Малышевой, Минину, Рейнину, Юреневу пришлось встретиться в своей работе с рядом трудностей, главным образом потому, что роли, которые они играли, должны были быть вполне правдоподобными и протекать на фоне не только необычного производства стекла.

За время своего пребывания в Гусе-Хрустальном и Великодворье они не только изучали производство, но и учились работать до тех пор, пока не научились всем производственным процессам, связанным с их ролями.

Эта фильму претендует быть бытовой фильмой из жизни рабочей молодежи. Производственный материал, на котором она построена, в большей степени оправдывает эти претензии.

Наш журнал еще вернется к «Ухабам» после того как фильму будет показана на экране.

На фотографиях следующей страницы мы даем два снимка из «Ухабов»: Кадр мужской сгални на стекольном заводе («на холостяком положении») и квартиры Павла и Тани (когда Павел начинает тяготиться семейной жизнью).

ДЕТИ КРАСНОГО КИТАЯ

М. БОРОДИН

Китайские пионеры со своим знаменем

В Китае сейчас 48 тысяч пионеров.

Почти все эти подростки в возрасте от 6 до 18 лет были организованы здесь в долине Янцзы меньше, чем за год.

Все наблюдавшие китайских пионеров сходятся в том мнении, что революционный дух, развившийся среди китайских пионеров, изумителен. Все признают, что эти юноши являются самым многообещающим из революционных элементов Китая. Одного года оказалось достаточно, чтобы навсегда выделиться из общей массы воспитанных в старых традициях китайских детей. Они научились по-новому относиться к своей жизни и к своей родине. Они научились организованности, дисциплине, коллективному действию.

До того, как у них отняли их жезлы и их свободу выступать в качестве пионеров, эти юноши принимали активнейшее участие в революции. Они следили за порядком на мас-

совых митингах. Их шеренги образовывали проходы, по которым ораторы проходили к трибунам во время митингов на открытом воздухе. Среди огромных толп народа они несли обязанности милиции, поддерживали порядок на уличных митингах, указывая делегациям их места и т. д.

Они хорошо делали свое дело.

Первого мая в Ухане состоялся колоссальный рабочий митинг, на котором присутствовало свыше 200 тысяч человек. Огромное поле было битком набито народом. 16 тысяч пионеров были единственной милицией в этот день и успешно поддерживали порядок на этом грандиозном сборище. Пионеров можно было видеть повсюду: тут пионер провожал кого-нибудь, там раздавал листовки, в третьем месте говорил речь. Первомайский праздник был прекрасной демонстрацией качеств пионерских организа-

Митинг самых молодых коммунистов Китая

Отряды Красных Пик в провинции Гуаньдунь

ций, их великолепной дисциплины и обученности.

Физическая подготовка китайских пионеров состояла в военном обучении и в коллективном спорте. Их политическая подготовка происходила путем классных занятий и лекций. Из пионеров многие развились в великолепных пропагандистов, прекрасных юных ораторов, с большим пылом выступавших перед целыми толпами. Их неоднократно использовали для выступлений на рабочих и крестьянских собраниях и для распространения агитационной литературы. Они принимали участие во всех видах деятельности, направленной к улучшению условий жизни и быта китайского народа, — в том числе даже в кампании против уродования ног у девочек.

«Хватит и восьми»

Пионеры происходят по большей части из крестьянских и рабочих семей или из учащихся, среди которых суще-

ствует сильное революционное настроение. Они вели активную пропаганду за сокращение рабочего дня детей. В Ханькоу они ранним утром устраивали демонстрации к фабрикам, на которых многие из них работали; они несли знамена с надписью: «мы требуем, чтобы наш рабочий день был короче, — хватит и восьми часов!» Отчасти благодаря их агитации был принят закон о сокращении рабочего дня подростков, — закон, который не был введен в действие из-за прихода реакции к власти.

Дисциплина, к которой они приучились за прошлый год, послужит им хорошей службой в нынешний период реакции. Они приучились соблюдать абсолютное повиновение вожатым, сотрудничество с товарищами, регулярное обучение военному строю, регулярное присутствие в классах, воздержание от курения, спиртных напитков и азартных игр.

Сдавайте жезлы!

Действия против пионеров начались еще 21-го мая, когда в Ухане было расклеено об'явление о дисциплинарных мерах против них. Это об'явление требовало от пионеров сдачи ими всех жезлов, употребляемых пионерами вместе с ружей, и всякого другого оружия. Сдавать все это нужно было в пионерский штаб. В случае отказа какого-либо из пионерских отрядов выполнить приказ ему угрожал немедленный роспуск и конфискация клуба. Кроме того, подросткам запрещалось получать политическое образование.

Пионерские организации распущены и пионеры загнаны в подполье.

Уличное представление шанхайских акробатов

ОТЕЧЕСТВО

Очерк

Она еще очень молода эта текстильщица из Лодзи Шурская — делегатка польской молодежи. Но лицо ее старят резкие морщинки — печать борьбы страданий.

Шурская перевешивается через трибуну всем корпусом, чтобы быть ближе к тем, к кому обращены ее слова. Она говорит, прижимая руки к груди:

— Разве можно сравнить положение, в котором находится сейчас польская трудящаяся молодежь, с тем, как живет молодежь Советского Союза?

Польская делегатка Шурская, немецкий христианский социалист Вестако, француз Феврие, английский молодой горняк Ньюланде, чехо-словацкий шахтер Чамара и много других молодых представителей западно-европейского юношества дали жуткую картину жестокой эксплуатации и бесправия молодежного отряда пролетариата.

Капитал наступает широким фронтом на послевоенные завоевания рабочих масс. Особенно энергичен он на молодежном участке экономического и политического фронта рабочего класса.

Молодежь сейчас, в период рационализации капиталистической фабрики самый удобный материал для эксплуатации.

И молодежь Запада теряет одно за другим то, что в годы революционного подъема удалось урвать у напуганной буржуазии.

Особенно ярко это отражается борьбой германской рабочей молодежи. До 30% ее оставлено вообще за бортом фабрики. Получая грошевое по-

собие, а в большей своей части лишенная его, безработная молодежь осуждена на вымирание.

Немногим лучше живется работающей молодежи. Последние полтора года рационализации сократили на 15—20% реальную заработную плату, продукция же фабрики увеличилась вдвое—втрое. Нормальный рабочий день—мечта германских молодых рабочих. 10 часов и выше—это то что узаконено уже обычаям и что вскоре будет введено в право фабрикантов.

Не лучше в Польше. В царстве Пильсудского до сего времени действует царское рабочее законодательство. По новым законам фашистского правительства ученические массы молодых рабочих отдаются в рабство предпринимателей. Нынче молодой ученик, отданный в учебу хозяину, изымается из действия общих гражданских законов. Судить его за всякую провинность может только суд предпринимателей. Ученик не имеет права покинуть по собственному желанию своего хозяина.

«Наши шахты,—сказал на конференции горняк из Чехо-Словакии,—представляют собой гибель взрослых и молодых рабочих. Из года в год несчастья на шахтах растут. В этом году было 3.817 ранений и смертей—вдвое больше, чем в прошлом году. Каждая пядь угленосной земли заливаается рабочей кровью только потому, что предприниматели не желают тратить на укрепление подпорок и вообще на предохранительные мероприятия...»

НА КОНГРЕССЕ ДРУЗЕЙ СССР — Тов. Бубнов подносит орден Красного Знамени французскому коммунисту—Ж. Садуль

МОЛОДОСТИ

Я. ЮДИЦКОГО

Польша, Германия, Чехо-Словакия—то, что творится в этих странах обще и всему капиталистическому миру. Странно ли потому, что все делегаты вне зависимости от того, к какой политической группировке они до приезда в СССР ни принадлежали, единодушно пришли к одному выводу: надо идти по пути, который бы обеспечил и западноевропейской молодежи победу над отечественной буржуазией.

И так же единодушно молодежь—пролетарии Запада обещали принести в свои страны методы борьбы за свое освобождение рабочих России. Обещали, что идеи Октябрьской борьбы восторжествуют над «красными потугами» меньшевиков.

«Когда речь идет о защите отечества, стираются все отличия. К границе спешат одинаково и нищий, и принц. Они берутся одинаково за оружие, когда их призывает к тому долг защиты родины».

Попробуйте указать, откуда эта цитата? Поверите ли вы, что эту гнусную галиматью вострул в первый день империалистической войны журнал центрального бюро социал-демократической молодежи Германии.

Знамя Штутгарта, требовавшее борьбы против войны, было позорно спущено и запрятано подалее от глаз.

Правда, уже спустя год Карл Либкнехт вновь поднял знамя антимилитаристской борьбы.

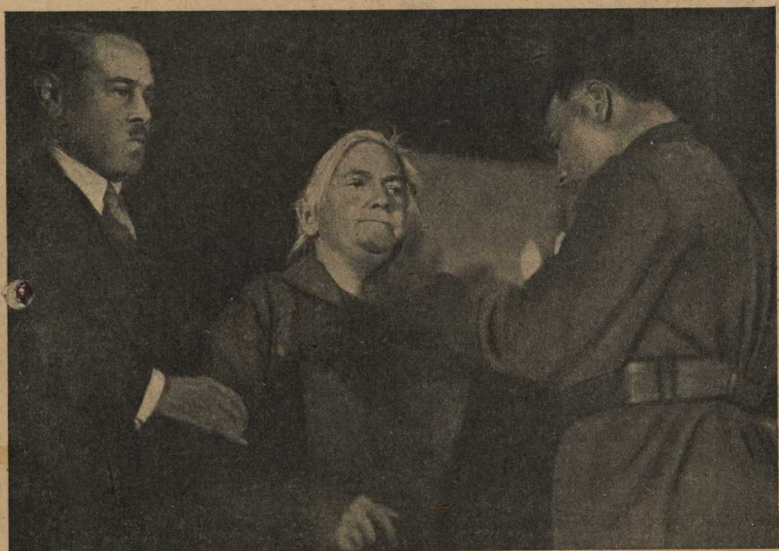
Впервые в истории революционной борьбы был выброшен лозунг замены войны империалистической войной гражданской.

За Карлом Либкнехтом пошли в те годы лишь передовые отряды рабочей молодежи.

То, что происходило на конференции юных друзей СССР, языком ярких фактов сказало, за кем идет теперь трудящаяся молодежь всего мира.

Английский шахтер Глансей звал конференцию к организации отпора империалистическим замыслам. Этот, ничем не выделяющийся из массы английских горняков, молодой социалист говорил, обращаясь к Болдуину и Чемберлену, организуя поход против СССР. «Они должны знать, что нападение на СССР рабочий класс Англии будет расценивать, как нападение на него самого»,—сказал он.

Молодому германскому социал-демократу Доло (он был докладчиком по вопросу о военной опасности) принадлежат вот какие слова: «Нам нечего рассчитывать на социал-демократов. Они, как и в 1914 году, предадут интересы международного пролетариата. Мы должны надеяться на свои силы и организовать защиту СССР. Только под знаменем Карла Либкнехта мы победим и обеспечим неприкосновенность октябрьских завоеваний».

НА КОНГРЕССЕ ДРУЗЕЙ СССР:—Момент поднесения тов. Ворошиловым ордена Красного Знамени старшей коммунистке—Кларе Цеткин

ДЕРЕВНЯ

Рисунок С. ПРУСОВА

РОДИТЕЛИ

* * *

Приезжаю я домой не часто,
И всегда так радостно со мной
Разделить хоть маленькое счастье
Старикам семьи моей родной.

* * *

Я один у них,—их боль и радость.
И судьба их старости во мне.
Терпеливо ждут они награды
На своей дремотной стороне.

Не приходи я к ним,—они не спросят,
Только горько где-то, как беда,
Отзовется в ветренную осень
На-сердце полынь и лебеда.

* * *

Будут ждать. И будут сухо плакать
Никому не скажут в тишине.
Лишь моя любимая собака
Будет им, как память, обо мне.

С. Чекулаев

БОЛЕЗНЬ СВЕТА

Научно-фантастический роман РОНИ СТАРШЕГО
Перевод А. ГАТОВА. Рисунки С. ЛОДЫГИНА

(Продолжение 1)

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДУДУЩЕГО. Что может пережить люди, если в природе совершится та или иная катастрофа в явлениях света? Что произойдет, если нарушатся обычные колебания в мировом эфире, которые распространяют электричество, тепло и свет, если навстречу световым волнам нашего мира набежуют волны другого мира? Как отразится их борьба — их усиление при совпадении гребней и их взаимное (полное или частичное) погашение при несовпадении — на жизни человечества? Такую задачу поставил перед собою автор «Болезни света». В первых двух главах романа (см. «Смену» № 19) читатель присутствует при возникновении этой аномалии. Пораженный этими наблюдениями, он делится ими со своим старым учителем Лангром. Прodelанные опыты подтверждают расщепленность лучей. В то же время как в своих настроениях, так и в поведении окружающих людей, они замечают беспрерывно возрастающее возбуждение. Навстречу им движется какая-то загадочная катастрофа, которую они вынуждены будут пережить вместе со всем человечеством и одновременно научно раскрыть ее тайну. Среди событий начала романа дочка Лангра — Сабина, которую давно уже любит Мейраль, покидает своего мужа. Редакция дает примечания к роману, в которых разъясняется связь стихийных событий с человеческой жизнью, а также научная достоверность тех или других выводов автора. В то же время для читателя крайне любопытно самому расшифровывать, какие стабильные световые катастрофы могут быть связаны с отдельными происшествиями, основываясь хотя бы на тех кратких научных комментариях, которые были даны в начале романа.

День был теплый, небо покрыто серыми тучами, освещенными по краям. Торговка фруктами жалобным тоном предлагала красные вишни, приказчик бакалейной лавки задумчиво раскладывая свой товар, мясник небрежно резал мясо грязной рукой. Все казалось утомленным.

Мейраль спешил к Лангру. Старик только что встал.

— Он приходил, — прошептал Лангр, — угрожал, скрежетал зубами, проклинал.

— Когда он приходил? — спросил Жорж.

— В три часа, без шляпы, страшно усталый, с порезом на шее. Когда он ушел, нас всех охватила усталость.

— Меня также, — заметил Мейраль.

— Сабина и дети еще спят. Нужно ее спасти. Я не хочу, Жорж, чтобы она снова стала жертвой маньяка.

— Знаете ли вы, много убитых и раненых? — спросил вдруг Мейраль.

— Я ничего не знаю! — воскликнул Лангр.

Меня огорчает, что мы не выполнили то дело, которое не позволяет ждать. Кто знает, что произошло за время нашего сна? Кто может знать, какие замечательные наблюдения погибли для человечества, если другие...

— Если другие не выполнили уже нашу задачу.

Они смотрели друг на друга с глубоким отчаянием ученых, которые упустили время драгоценного открытия.

— А почему мы опоздали? — пробурчал Лангр.

— Вчера перед сном мне казалось, что наблюдаемый нами феномен уменьшился. Но убедиться в этом было трудно, слишком сильна была усталость. Сегодня утром странное спокойствие, сменявшее возбуждение людей, безусловно, указывает на изменения в природе².

— Итак, за работу, если вы совершенно свободны.

С первых же самых простых их опытов было ясно, что рефракция стала нормальной. Единственное, что можно было заметить, это некоторые зоны, обнаруженные посредством призм; то есть все еще ненормальные следы захвата³. Попытки же поляризации не привели ни к каким результатам.

² Лучи продолжают двигаться друг другу навстречу, и за сложением волн начинается их «вычитание». Действие лучевой энергии понемногу падает; все процессы в природе начинают ослабевать.

³ Один спектр, подвигаясь вдоль другого, захватывает, т. е. покрывает одну цветовую полосу покрываемого спектра за другой.

— Мы потеряли нить,— с досадой заметил Лангр.— Виной этому— Веранн. Пока нас оторвала безумная его выходка, другие работали.

Жорж пожал плечами. Ему казалось бесполезным возмущаться совершившимся фактом.

— Я думаю,— сказал он,— что развитие феномена продолжается. Происходит что-то очень интересное. Я это чувствую!

— Вы чувствуете?— с иронией прервал Лангр. Мейраль принялся вновь за призму. Он наблюдал за спектром, проектированным на пластинке прибора, с тем рассеянным вниманием, которое часто наблюдается у исследователей.

— Мне кажется,— наконец заметил он,— что наблюдается аномалия ¹ в фиолетовых лучах.

Лангр вздрогнул, как боевой конь при звуке трубы.

— Какая аномалия?

— Некоторая бледность справа, и притом область фиолетовых лучей сузилась ². Может быть, я ошибаюсь, мой глазомер сегодня неточен.

Ни слова не говоря, он принялся за измерения.

— Вы правы, ультра-фиолетовых лучей нет.

Мейраль приготовил новые пластинки. Опыты привели к решительным результатам. Отсутствие какого бы то ни было фосфорического ³ воздействия не оставляло никакого сомнения при исчезновении или крайнем ослаблении ультра-фиолетовых лучей.

— Вы правы,— пробормотал старик,— аномалия побеждает, и ее последствия столь же непонятны, как и возникновение.

Они проанализировали последовательно свет электричества, газа, керосина, стеариновой свечи, дерева, угля; всюду замечалось то же явление.

¹ Ненормальность.

² Ослабляется крайняя правая часть спектра, т. е. ультра-фиолетовая и фиолетовая, потому что наступающий источник света движется, очевидно, справа налево.

³ Под влиянием ультра-а-фиолетовых лучей некоторые вещества начинают светиться во тьме. Если такие тучи исчезнут, то прекратится и такое свечение вольтыме этих веществ.

— Происходит что-то необыкновенное,— вздохнул молодой человек.— Если это явление общее, то возможны самые ужасные предположения ⁴. Что произошло сегодня ночью в Европе?

Он схватился за газеты, которые принес с собой.

Первые же телеграммы свидетельствовали о болезненном состоянии всего человечества. Волна возбуждения пронеслась по всем материкам и повсюду вслед за возбуждением наступало странное оцепенение.

— Сомнений нет!— сказал Лангр, отбрасывая «Фигаро».— Вся планета охвачена.

— И нет ни одной научной заметки.

— Ну, так за работу!

Они бились еще целый час над отыскиванием новых характерных данных, и нашли только одно: область оранжевых и красных лучей действовала с необычайной силой на флуоресцирующее вещество ⁵.

— Кажется,— предположил Мейраль,— эта область светлее обыкновенного.

— По сравнению с другими, конечно. Но остатки фиолетового еще больше ослабели! Я предполагаю даже, что и синий цвет задет! Обратите внимание на желтый оттенок света.

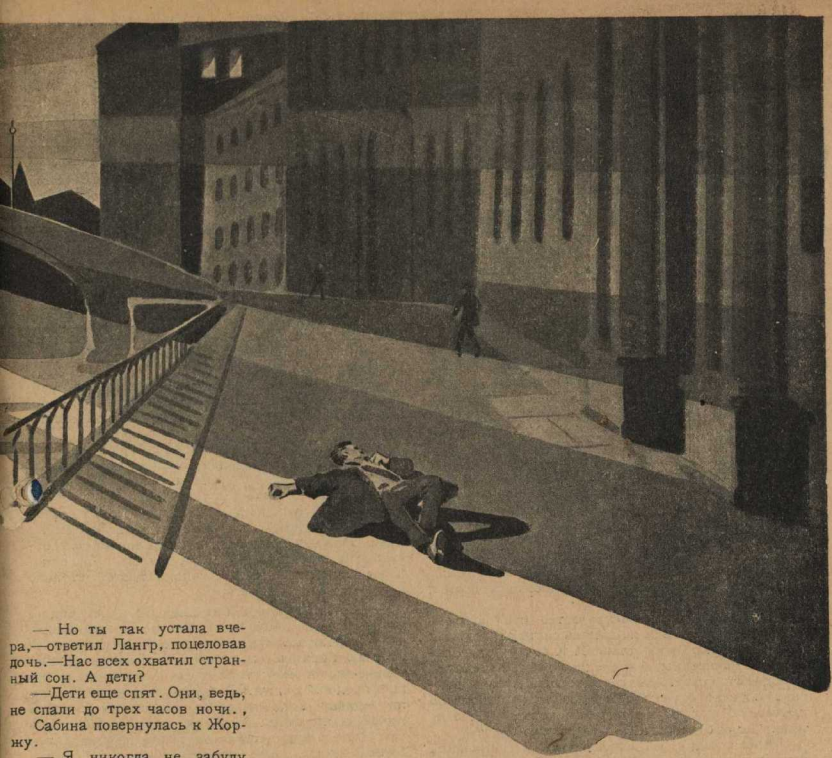
Сабина вошла в лабораторию.

Мейраль смотрел на нее со злобной нежностью: этот яасминовый цвет лица, эта походка Ундины при лунном свете, все эти краски, вся эта гармония и свежесть еще в юности очаровали его. Выйдя за Веранна, Сабина разрушила все его иллюзии. Этого Мейраль не мог простить. В ее присутствии он ощущал тяжесть поражения, и тоска охватывала его.

— Я поздно проснулась,— извинилась она.

⁴ Если прекратятся все те колебания, которые вызывают свет, тепло, электричество, то может прекратиться и жизнь.

⁵ Так как длина волны лучей разного цвета разная, то в то время, как одни лучи могут быть погашены вычитанием, другие могут быть усилены сложением или совпадением их гребней.

— Но ты так устала вчера, — ответил Лангр, поцеловав дочь. — Нас всех охватил странный сон. А дети?

— Дети еще спят. Они, ведь, не спали до трех часов ночи. ,
Сабина повернулась к Жоржу.

— Я никогда не забуду как вы... — сказала ему она.

Он сжал кулаки, чтобы скрыть трепет, пробежавший по его телу.

— Да, помни, без Жоржа время бы прошло, а этой ужасной ночью...

Беспокойство разлилось по лицу молодой женщины.

— А что произошло, отец?

Ужасные события, детка. Людьми владело что-то непонятное возбуждение...

Сабина взволновалась, думая о муже.

— Я не могу больше жить с ним, — прошептала она.

— Ты останешься со мной, — решительно заявил Жерар, — я вел себя, как ужасный идиот, когда позволил ему увести тебя.

Она улыбнулась. Будущее было скрыто для нее, но воспоминание об угрозах мужа заставило ее вздрогнуть.

— А если он употребит насилие?

Старый ученый положил руку на плечо Мейрала.

— Тогда он будет иметь дело со мной и вот сним. Почему, — прибавил он с гневом и горечью, — почему, сын мой, не ты полюбил Сабину?

Жорж побледнел, и судорожная усмешка промелькнула по его губам.

ГЛАВА IV

«Сумерки жизни»

День прошел спокойно. Радио-телеграммы оповестили Париж о значительном успокоении всей планеты. Но возрастало беспокойство иного рода. Ученые следили со страстным напряжением за болезнью света. Не внося ничего нового к данным Мейрала и Лангра, ученые следили за явлением двойной рефракции или скорей за раздвоением света. В Париже, Берлине, Лондоне, Брюсселе, Риме, Амстердаме, во всей центральной Европе конец первых фазисов явления обнаружился к трем часам ночи; немного раньше — в восточной Европе и Азии, еще раньше, — в северных странах. Северная Америка отставала. Под тропиками и в Австралийских землях опаздывание было еще более заметно. Все часы были поставлены по часам Гринвичской обсерватории, но казалось, что развитие явления нисколько не зависело от солнца. Около семи часов утра, в тот час, когда в Париже, как и в Лондоне, Ливерпуле, Амстердаме, Иене, обнаружили исчезновение узкой полосы ультра-фиолетовых лучей, заметили также прогрессивную бледность и исчезновение синей

зоны¹. В семь часов вечера часть ее была еще заметна, но синие лучи уже померкли. Было отмечено также несколько второстепенных явлений, подтвердилась, как это уже было замечено Лангром и Мейралем, все усиливавшийся рост и блеск оранжевых и красных лучей; вскоре заметили, что эти лучи приобрели странные, но не особенно ярко выраженные химические свойства. Уменьшилась способность металлов пропускать электрический ток; особенно это было заметно на железе. Передача по кабелю стала неправильной. Телеграф функционировал нормально, но на главных линиях были обнаружены перебои. В работе на электрических заводах тоже происходила масса ошибок.

К утру фиолетовая зона спектра стала совсем невидимой². Прекратилось подводное сообщение; крупные телеграфные линии функционировали слабо, перебоями; электрические заводы стали; на фабриках и лабораториях химические реакции прекратили свое действие; дерево и уголь горели плохо, давая темное пламя; земной магнетизм ослаб³, магнитная стрелка показывала неправильно, что делало невозможным мореплавание; желтоватый свет освещал нашу планету.

Наступал ужасный день. Дыхание смерти пронеслось над человечеством. Люди чувствовали значительность совершающегося явления и, повинаясь стадному чувству, собирались группами, но никто ничего не понимал: люди науки, умеющие даже считать звезды и измерять атомы, не находили ни одной гипотезы для успокоения человечества. Они ограничивались тем, что подробно отмечали эпизоды надвигающейся драмы, но и только...

На третью ночь электричество прекратилось совсем, и к утру люди лишились системы, которая их соединяла по всей планете. К вечеру они оказались отброшенными в средние века: прекратил свое действие пар. Алкоголь, керосин, уголь и дерево не давали огня. Чтобы его добыть нужно было прибегнуть к редким продуктам, которые, однако, также были обречены на химическую смерть.

Через три дня, без всякого внешнего признака катастрофы, человечество стало беспомощным. Люди могли лишь плавать под парусами, и запрягать лошадей, но они были лишены возможности добыть огонь, тот огонь, красным светом которого любовался их предок-дикарь на опушке леса, в широкой степи или на берегу рек.

Но удивительное дело—жизнь не прекращалась⁴. Трава продолжала расти на лугах, пше-

¹ Продолжается вычитание. Цвета спектра ослабляются один за другим; ослабляются и гаснут даже электрические колебания.

² Потому что произошло совпадение гребня ультра-фиолетовых волн земного мира с долинами тех же волн наступающего мира.

³ Магнитные и электрические явления очень близки друг к другу по своей природе, так что их называют поэтому электромагнитными. Угасание электрических явлений должно повлечь угасание и магнитных явлений.

⁴ Потому что жизнь связана со сложным сочетанием химических и физических процессов, связанных и с более короткими и более длинными волнами в среде, чем те, которые вызывают явления тепла, света и электричества. Если будут погашены волны в видимой части спектра, то еще останется множество волн невидимой, которые лежат по обе стороны видимой части.

ница—на ниве, листья—на ветках; звери, птицы и люди продолжали исполнять свое обычно дело, одним словом, органическая химия оказалась нетронутой. Медный свет ложился на растения. Кожа становилась пепельной, физиологи отметили ослабление пигмента. Возбуждаемость падала. Постоянный страх не покидал людей, но этот страх не обнаруживался столь бурно, как при начале феномена. Может быть, сознание всеобщей опасности ослабило страх. Все точно несодержало под влиянием наркоза. Нервы утратили свою чувствительность, контузии, даже ранения вызвали только тупую боль, воображение отяжелело и обеднело.

Утром четвертого дня Лангр и Мейраль совещались после легкого завтрака.

— Синие лучи почти исчезли,—сказал старик, бледный и озабоченный с потускневшими глазами,—ничто не спасет человечества,—убежденно произнес он.

— Это весьма возможно,—согласился Мейраль.—Шансы на спасение слабы, но все же они еще имеются. Я не очень-то верю в продолжительность этого явления. Оно может пройти.

— Но когда?—ирочно спросил Лангр.

— Вот здесь и загадка! Если можно было бы предположить, что все фазисы будут равномерны, то срок можно было бы установить.

— Какой срок? Я вижу их много. Ведь в конце концов исчезнут все световые и инфракрасные лучи. Или же потускнение света может остановиться на зеленых лучах... на желтых... на оранжевых... на красных... Сколько цветов, столько и возможностей спасения.

— Тогда пределом оказался бы конец радиоактивности и конец всей жизни! Предположим, что млекопитающиеся не вынесут исчезновения желтых и оранжевых лучей, как бы непродолжительно оно ни было; тогда нечего и строить дальнейшие предположения. Но предположим, что наступит кризис, когда исчезнет большинство желтых лучей, и что тогда начнется реакция. Ясно, что чем быстрее будут происходить эти перемены, тем больше будет у нас шансов на спасение. Если в три дня исчезли фиолетовые, синие и голубые лучи, то зеленые и желтые исчезнут через два дня. Тогда мы и достигнем предела, после которого начнется обратное движение!

Лангр смотрел с соболезнованием на своего товарища.

— Бедный! Разве можно строить такие гипотезы тогда, когда все человеческие расчеты оказались проинкутутыми? Ведь нет ни одной причины, из-за которой бы лучевые колебания не чезли бы одно за другим!

— Я все же замечаю некоторую последовательность в ходе явлений! Кроме того, что красные и оранжевые лучи резко усилились, температура остается почти что нормальной! Это-то и дает некоторую надежду.

— Но какую слабую,—возразил печально старый ученый.—Конечно, это может означать и то, что энергия, потерянная в одной области, усиливается в другой. Но, с другой стороны, это может лишь быть остатком превращения энергии. Конечно, если мы предположим, что световые явления превращаются постепенно в неведомые нам энергии, то мы должны ожидать и обратного движения. Но эта реакция нисколько не доказывает невозможности процесса превращения до конца, и я не думаю, чтобы человечество смогло пережить даже

временное исчезновение зеленых лучей. Я всегда утверждал, что этот цвет—самый необходимый для нашего существования. Что касается остального, возможно, это явление временное. Его начало слишком резко, его эволюция слишком быстра, чтобы это было что-либо другое, чем просто необыкновенный случай! Но что значит здесь наша логика?

Они принялись за работу. В продолжение полчаса бились они над печальными опытами. Вдруг Мейраль вздохнул:

— А не кроется ли причина этого явления в воздействии межзвездного пространства?

— Я склонен предположить, что это явление межзвездного происхождения¹. Но тогда оно оказывало бы влияние на солнце, и мы открыли бы разницу в явлениях дня и ночи.

— Несравненно меньшую. Солнце оказывало бы больше действия! Во всяком случае, это еще надо найти. Может быть, мы найдем это в дневнике наших опытов... Тогда...

— Бедный, старый маньяк, — пробормотал Лангр, — жалкий мечтатель, человечество гибнет, а ты...

Холодная дрожь пробежала по его телу.

— Я не могу больше переносить наше одиночество. Позовем наших. Будем держаться друг друга, пока мы не исчезнем в вечном тумане.

Мейраль слушавшего с бесконечной жалостью, которая относилась и к нему самому.

— Да, — огласился он, — вы не должны ни на час расставаться с вашей семьей.

Они замолкли, прислушиваясь к похоронному звону церкви, пока громкий крик на улице не вырвал их из оцепенелой задумчивости.

— Снова газета! — вскрикнул Мейраль.

Через несколько минут прислуга принесла листок под названием «Бюллетень» — случайную газету, в которой журналисты и ученые сообщали результаты своих наблюдений.

Лангр вился в нее, но кроме нескольких деталей, он не узнал в ней ничего нового. Все данные были результатом одного и того же явления, но одно из них было значительнее остальных. Смертность увеличилась в Париже за последние сутки втрое. Она быстро росла. С 8 часов утра до полудня врачи констатировали 39 смертных случаев; от полудня до 4 часов — 44; от 4 до 8 вечера — 58; от 8 до полуночи — 82; с полуночи до 4 утра — 177; всего 518. Две трети больных умерли быстро и безболезненно, со страшной тревогой перед концом. Эта тревога перешла в оцепенение, похожее на столбняк, которое замечалась, хотя движения больных в начале болезни были судорожны и отрывисты, врачьи были расширены, кожа сухая и рыже-красная, что ничуть не означало прилива крови.

Лангр передал газету Мейралоу.

— На тушил черед живой химии².

— Увы, — тихо произнес Жорж, прочитав газету, — если я еще надеюсь вопреки рассудку, то это потому, что смертность началась слишком поздно. Она идет медленнее... чем то...

¹ Милликен доказал, что особо короткие волны исходят от туманностей. В межзвездном пространстве они должны действовать очень сильно, но на земле они ослабляются атмосферой.

² Очевидно стали те лучи левой стороны исчезающего спектра, которые связаны с тепловыми явлениями.

В комнате уже собрались и Сабина с детьми и прислуги.

Лангр нервно ходил взад и вперед. Сабина, догадавшись, что известия безотрадные, ни о чем не спросила; да и зачем было спрашивать, раз она приготовилась к худшему? Берта, Катерина и Цезарина прижались в углу друг к другу и как бы всецело предалися в руки хозев.

Мейраль продолжал читать. Короткие известия говорила о том, что и животные пострадали: особенно травоядные. Между прочим, собаки и кошки сопротивлялись лучше людей. Домашние птицы засыпали, но их смертность лишь немного превышала норму. Нельзя было установить смертность птиц и насекомых, но и их жизненная энергия ослабела.

Ученые переглянулись.

— Если исчезнут зеленые лучи... — начал Лангр и принялся внимательно за наблюдения над солнечным спектром. Но через четверть часа Мейраль шепнул старику:

— Зеленые лучи застыли.

Воцарилось беспомощное молчание. Холод небытия, казалось, окутал уже этих людей, смятых катастрофой. Сквозь стекла окон виднелся Люксембургский сад, освещенный бенгальским огнем. Несколько пешеходов проходили по тротуару несильным шагом; мрачная тишина стояла в предместьях. Пробил полдень на соседней колокольне, и этот звон был так величав, словно он приносил с собой из глубины веков тысячелетние воспоминания.

— Пора завтракать, — машинально вырвалось у старика.

Катерина поднялась из угла, где она сидела, и сказала:

— Я сейчас подам.

Через десять минут они все собрались в столовой. Были поданы фрукты, бисквиты, консервы и вино. Лангр и Мейраль недоверчиво относились к еде, подозревая, что продукты стали вредными для организма³. Сделав несколько глотков, они увидели, что пища безвредна и что завтрак все-таки не был лишен известной прелести. Все были голодны, но их голод был менее острый, чем обыкновенно. Вино оживило их, смутное, радостное возбуждение, разливаясь по телу, пробуждало непрочные надежды.

— Все-таки катастрофа милосердна к жизни.

Лангр осушил целый стакан, чтобы разогнать пессимизм, который омрачал его мысль, и сказал с улыбкой:

— Мы еще выкарабкаемся.

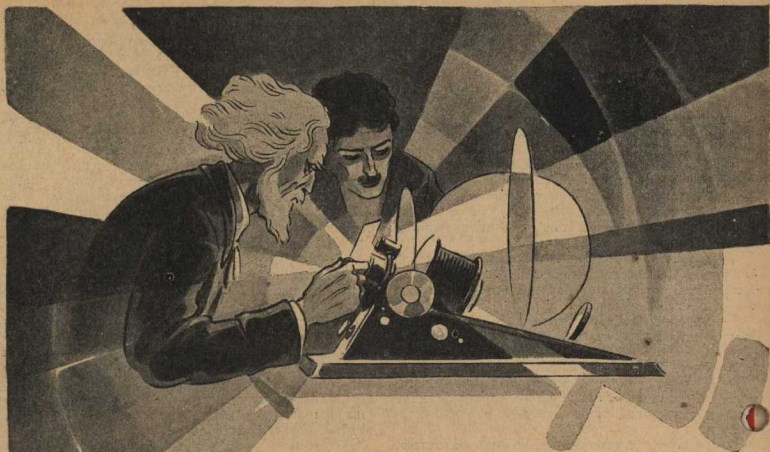
Он взял на колени маленькую Марту; он походил на осужденного на смерть, у которого опиум или морфий возбуждали бы чувства и уменьшили отчаяние. Бесконечная нежность наполнила сердце старика, любовь отца и дядя, тесно связанная с любовью к человечеству, но всей земной жизни, которой теперь угрожала сила бесконечно более жестокая, чем все те, которые когда-либо угрожали человечеству в течение тысячелетий.

— Пойдем к людям, — внезапно решил он, движимый смертью, безудержным порывом.

Едва он это произнес, как это же желание охватило Сабину, Жоржа и прислугу⁴. Каждый из

³ Потому что химическая энергия стала действовать слабее.

⁴ Во время опасностей у людей просыпается первобытное естественное чувство.

них сообразно своему инстинкту и развитию, чувствовал свою связь с остальным человечеством.

По улицам Сен-Жак и Гей-Люссак бродили отдельные прохожие; они скользили бесшумно под рыжим светом; изредка проходили молчаливые группы, экипажи отсутствовали, и этого было достаточно, чтобы сделать город мертвым. Все лица отражали печаль, горечь, страх и усталость.

По направлению к бульвару Сен-Мишель толпа становилась гуще.

Вдруг какой-то юноша лишился чувств. Двое мужчин поддерживали его. По толпе пробежал ропот, ропот ослабевших людей. Потом также внезапно опустился на землю студент, бросившийся было помочь первому. Прямо на мостовую упал мальчик. Их подняли, унесли; все точно зады-хались¹.

— Беда растет! — проговорил высокий, худой господин, шедший вверх по бульвару. Лангр и Мейраль узнали в нем доктора де-Вальер.

— Какая беда? — спросил старый физик.

¹ Химическая часть спектра ослабляется и наиболее слабые существа — женщины, дети, старики, больные начинают гибнуть, так как прекращаются химические процессы в организме и прежде всего дыхание (усвоение кислорода и окисление в организме, являющееся одним из источников энергии в организме).

Де-Вальер, собравшийся переходить улицу, протянул руку ученому.

— Я не знаю, какая беда, — кризисал он, — но последние три часа были ужасны; учащаются случаи скорострительной смерти.)

В то время, как они разговаривали, слышался слабый стон. Надалеко от них женщина опустилась на тротуар. Полицейский и двое рабочих подняли ее. Ее глаза были широко раскрыты, взгляд их постепенно угасал. Врач, нагнувшись к ней, констатировал смерть; ужас парализовал Сабину Мейраль шепнул Лангру:

— Необходимо вернуться домой как можно скорей, я опасаясь умственной заразы.

По пути они увидели старика, упавшего перед кафе, и безжизненное тело девочки на руках у ремесленника. Лангр взял Сабину за руку, Мейраль нес ребенка. Горничная и Катерина шли быстро за ними. На улице Сен-Жак уже почти не было гуляющих; все торопились вернуться домой; на бумом небе красное солнце казалось зловещим, путь — бесконечным; под влиянием все возрастающей усталости шаг замедлялся, и ужас становился невыносимым, если бы самая способность страдать не ослабела бы так сильно.

— Наконец, — вздохнул с облегчением Лангр, когда он очутился у своей двери. Он быстро втолкнул в дом дочь, так как показались люди, несшие труп. Через несколько мгновений они очутились у себя; здесь они как будто были уже в безопасности. Мейраль приблизился к одному из больных столов лаборатории. Лангр последовал за ним:

— Зеленые лучи уменьшаются, — тихо проговорил молодой ученый.

— И температура падает¹, что столь же важно, — ответил Лангр.

² Вместе с угасанием крайней правой части спектра (химической) угасает и крайняя левая — тепловая.

НЕ ПОДРАЖАЙ БУРЖУЮ

Не сразу мы сбрасываем кожу заскорузлости, слоньятиства и распушенности. В повседневной нашей жизни, в мелочах, вдруг обнажаются струпья гнилых, грязных, недостойных пролетария, комсомольца явлений.

Вот среди фабрайцев начинает процветать картежная игра. И не только среди фабрайцев. Много молодых рабочих проводит свой досуг за картами. Карты, водка (а за картами всюду следует водка)—это то, что растрчивает активность рабочей молодежи и тонит ее в чаду болезненного азарта. Это изпманское влияние, стремящееся, используя нашу культурную отсталость и дикость, воспитывать маленьких растратчиков, шукуриков, отщепенцев рабочего класса.

То же самое мы обнаруживаем, когда мы вглядываемся в молодчиков, заботы и заработка которых направлены на приобретение затейливых галстук и от которых за три версты несет потом от грязных ног и драных носков.

Посмотрите на комсомольца, который сегодня просит на два часа не считать его комсомольцем ради женитьбы в церкви, а завтра попросит «отпуска» на годик потогорвать. Поскоблите его чуть-чуть, и перед вами предстанет кулацкая душонка.

Мы будем вытаскивать на свет все такие явления, мы не перестанем стыдить, позорить тех, кто подумает перенести в ряды рабочей молодежи замашки изпманов и кулаков.

КАРТЫ

О картах в ФЗУ и говорить как-то неудобно. Как они попали туда?

Вот письмо!

«Подлец я большой. Вчера были суббота и получка. Получка 13 р., неведомо за что высчитали 4 р.,—я очень огорчился. Решил играть в карты с 3-мя ребятами, и все мои деньги улетели в друвой карман. Здесь я совсем опупел и проходил всю ночь по улице. Я не могу простить себе, что я взял в руки карты. Я больше не могу... Я ненавижу деньги. Я без ботинок, без одежды. Скоро станет холодно, дождь, а я почти босиком и в одной рубашке. Я ничего с собой не могу сделать. Моя просьба—устроить меня в исправдом, чтобы я не мог получать деньги и чтобы меня кормили.

Я совсем не виноват. Какое-то чувство толкнуло меня: а может быть, я выиграю и тогда оденусь».

Подробности таковы:

В 2 часа, как кончили работу, сговорились, зашли в развалины дома в старых санях дули карты с 3 до 7 часов. Главный победитель в игре пригрозил, чтобы никому не жаловались. Играют не в первый раз. После каждой получки.

Карты начинают проникать в быт рабочей молодежи.

«ПЕРЕДОВЫХ» КОМСОМОЛКА

Если говорить о предприятии, на котором работают эти комсомольцы, то она называется Донская государственная табачная фабрика в Ростове на Дону.

Условия для создания нового быта—хорошие. Однако... нового быта видать мало.

Растратчики своего досуга

Вот фабричные ясли. Постановка у них образованная. Иностранцы делегации от них в восхищении. Ясли нашей фабрики—пример на Северном Кавказе. Чистота, гигиена, врач, няни—все

это обеспечивает воспитание здорового ребенка. Работницы носят туда детей, но только не комсомолки.

Можно привести об этом десятки примеров. Обычно комсомолка замужем за комсомольцем, реже за беспартийным, который работает у нас же на фабрике, поэтому они предпочитают за 7—9 рублей нанять 12—15-летнюю домашнюю няню. В ясли бояться нести, ибо в яслях—говорят такого сорта комсомольские родители—свирепствуют болезни, от плача дети наживают грыжу и разносят еще другие, подобные этим, недуги.

Дома же ребенок у грязной няньки, без достаточного питания,—по их мнению,—в лучшей обстановке. Также поступают и некоторые партиянки. Зло берет, когда видишь, как она плохо

смотрит на ясли, после того, как она стала матерью и имеет работающего мужа.

Грязь в шевиоте

Зачастую в понедельник можно наблюдать интересную картину. Комсомолец приходит на работу прямо с гулянья. На его ногах за 40 рублей лакированные «шимми», шевитовый костюм, галстук. Перед тем, как надеть халат, он снимает ботинки, пиджак и рубашку, и, о, ужас! Шея и спина грязные, рубаха нижняя рваная, из носков пальцы выглядывают, несет нестерпимым потом.

Многие ребята увлекаются «пиконством». Два-три месяца парень собирает деньги, чтобы «шикарно» одеться. От этой «шикарности» веет некультурностью. Ибо самое главное—держать свое тело и место, где живешь, в чистоте.

Жениться—разводиться

У комсомольцев, можно сказать даже у многих, вошло в моду рано жениться и потом разводиться. Чуть ли не половина комсомольцев в первый-второй год расходятся. Причина этому—несерьезное отношение к женитьбе. Комсомольская ячейка не уделяет этому вопросу никакого внимания. Рано женившись, ребята сначала начинают изменять, потом устраивать скандалы, а когда молодая жена уже готова на все, чтобы избавиться от такой «хорошей жизни», парень берет развод.

Но вот еще одна безобразная сторона этого быта. Разводясь, парень-комсомолец дает и де о логическое оправдание своему скверному поступку:

—Моя жена—нервно-психически больная, с ней нельзя здоровому человеку жить,—говорит мне мой друг комсомолец Н., разводясь с женой, которую я

По гроб жизни

до замужества знал цветущей здоровой девушкой-работницей.

— Мы с мужем разошлись без скандалов,— говорит мне комсомолка Л.,—ведь, мы же культурные люди.

Это она говорит нам в то время, когда каждый в цеху знает, что «культурный» муж-комсомолец часто скандалил и бил свою жену.

Разврат вдвоем

Наши комсомолки часто объединяются по 2 человека, чтобы найти комнату, уйти из дома одним и жить отдельно.

На первый взгляд это представляется очень хорошим начинанием. Но оказывается, такие комсомолки уходят из дома не для того, чтобы жить культурной коммуна в 5—6 человек и заниматься учебой, а чтобы никто не мешал их развуданности.

Эта дурь быстро проходит, когда жизнь берет в переплет такого разгильдяя-комсомольца.

Есть и хорошие стороны быта наших комсомольцев, но о них когда-нибудь в следующий раз.

Н. Мак (Донтабфабрика)

КОМСОМОЛЕЦ—ОТЕЦ

В помещенном материале и в заметке «Шлепанцы» мы ставим вопрос об отцовских чувствах комсомольцев.

Редакция.

Это письмо нельзя читать без волнения. Оно вызывает терпкую горечь и проникновенную радость. Это письмо Отто Корвина—видного комиссара во время советской власти в Венгрии к своему новорожденному ребенку.

Суд белого террора приговорил его к смерти. Ребенок родился накануне приведения в исполнение смертного приговора.

«Маленький человек. Мое дорогое дитя!

Из-за решетки, сквозь толстые стены, я протягиваю к тебе руку. Чувствую ее всегда подле себя, пусть она будет тебе опорой.

... Все, о чем я мечтал, выполни ты. Подбери из грязи жемчужины моих слез.

Оставляю тебе мои большие глаза, мое большое сердце.

Ты еще был в утробе матери, а я уже видел тебя, я уже годы прожил с тобой в тюрьме, где я был и где я ожидал тебя. Тюрьма... не стыдись... Тюрьма—это вся жизнь, и только простая случайность, что

ПРОШУ ИСКЛЮЧИТЬ НА 2 ЧАСА

На общем собрании ячейки секретарь зачитал такое заявление:

«В виду сложившегося обстоятельства меня побудило обратиться в ячейку с нижеследующим разъяснением.

Вскоре я женюсь на религиозной девушке, которую я очень люблю, я ее умолял повенчаться без религиозных обрядов, но она не согласилась, другого выхода я не нашел как обратиться к вам с просьбой, либо не считать меня в комсомоле на два часа, либо исключить меня навсегда.

Николай Станков».

Резолюция

Слушали: дело Н. Станкова, о разрешении ему проведения религиозных обрядов.

Постановили: В виду того, что Станков принимает активное участие во всей ячейковой работе, а также в действительности является безбожником, ячейка постановила в отношении Станкова провести исключительный случай и разрешить ему совершение религиозных обрядов.

За резолюцию—41. Против—6. Воздержались—3... Резолюция принята,—объявил секретарь.

Д. Скларский

свободен тот, кто не в тюрьме. Ты, быть может, уже будешь свободен... Создавай, твори, борись и не жди подачек... Отдавай все и самого себя в придачу, ибо в этом радость жизни.

В мыслях я парил с тобой над окраинами города, показывая тебе, что и там живут люди. Чисто, прекрасно и спокойно люби людей, дитя. Не верь, если тебе скажут, что они этого недостойны. Что бы ни случилось, люди добры, и не они тому виной, что ожесточились в непосильном труде и в борьбе. Сорви с них ярмо, под которым они стонут, и ты увидишь, что жизнь—это цветущий сад, а не кладбище. Человек рождается добрым, а я хочу, чтобы ты добрым и остался.

Растроганный, я стою перед тобой, дитя, новый человек, продолжателем моей печальной, полной заблуждений жизни, когда я перестаю существовать, а ты вступаешь в жизнь.

Если тобой овладеет сомнение, если станешь колебаться, думай обо мне, и ты всегда будешь знать, как тебе поступить».

Большой человек, большой революционер, овеваемый смертным дыханием, не мог забыть своего отцовства.

Как прекрасны тюремные письма Карла Либкнехта к своему сыну. Карл Либкнехт не забывает просить сына принести на свидание свои тетрадки, отметки. В мужественных словах он учит его избирать нaitягчайший путь жизни, путь борьбы с порабощением трудового народа.

«Твоя жизнь должна быть и быть борьбой и трудом, а не солнечным светом и удовольствием. Но

именно в этом будет заключаться твое счастье.

Моя жизнь, несмотря на все, была до сих пор счастливой именно тогда, когда мне приходилось всего сильнее бороться и «страдать». То же самое испытываешь и ты».

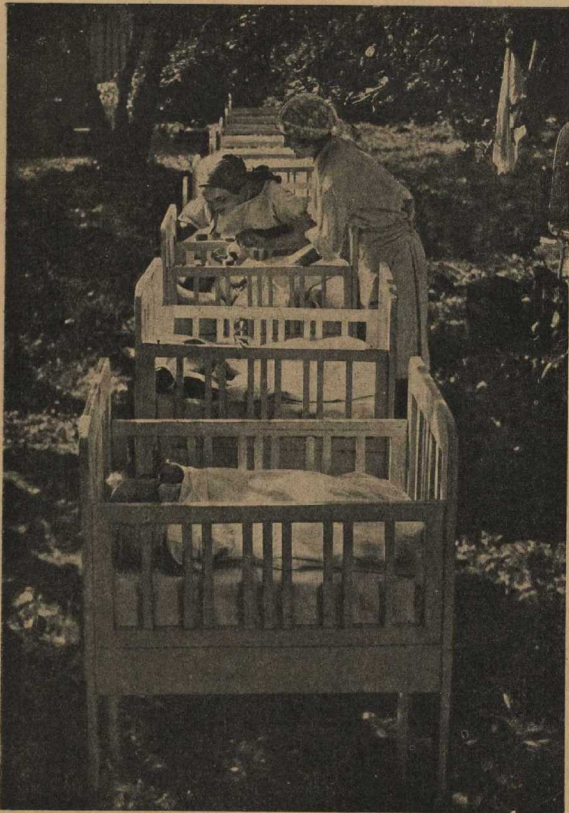
Когда настанут яркие годы, за которые мы боремся, которые мы ощущаем в своих заманчивых коммунистических мечтаниях, общество постарается детство каждого ребенка окружить любовным вниманием. Но эти годы только маячат вдали.

Они будут, а пока дети целиком зависят от своих родителей, и от последних в значительнейшей мере зависит получит ли общество крепкого, смелого соратника или немощного трусливого, чичтожного человека. Страшно р-р-революционные пошляки любят сплевывать изречения о том, что дети — это мещанство. Они предполагают, что говорят что-то страшно умное, смелое и модное. А говорят они только пресную пошлость, нудную и бездарно глупую.

Мы знаем семейки, где муж и жена все танцуют вокруг своих отпрысков, ничего другого не знают и не хотят знать.

Это мы говорим о мещанах, чья жизнь не забегает дальше обеденного пирога.

Но кто скажет, что Отто Корвин — венгерский коммунист — мещанин. Но кто скажет, что Карл Либкнехт — мещанин, ибо просит своего сынишку даже в тюрь-

Общество постарается каждого ребенка окружить любовным вниманием

му прислать ему его школьные тетрадки и отметки его успехов.

Эти люди не замыкаются в уютные, тесные рамки семьи, но в их жизни, насыщенной революцией, не затерялось чувство отцовских обязанностей.

Комсомольских семейных ячеек у нас уже много. Кое-где начинают взращиваться элементы более чистого, разумного, культурного быта. Но еще мало у нас внимательного, любовного и умелого отношения к своим детям.

Еще мало у нас развито среди молодежи убеждение, что дети не позор и не несчастье. Сколько у нас молодых комсомольских семеек, где родив-

ший ребенок—досадное явление. Паренька или молодую девушку, у которых родился ребенок, жалеют, им выражают сочувствие, отпевают, как погибших для «вольной» жизни. Этот общественный нажим всецело питается еще подсознательно опытом годов военного коммунизма, когда в жизненных тисках тяжело были заботы о новой зародившейся жизни, когда ужасающей была детская смертность, ибо по стране бродил тиф, ползла вошь.

Борясь за элементы нового быта, нужно в первую очередь подумать о детях, о малышах, которых вскормит наша сегодняшняя молодая гвардия—наши юные большевики.

Ш Л Е П А Н Ц Ы

М. СОФИЕВСКИЙ

С тех пор, как у Кости Чугунова родился сын, в комнате стало тише и теплей. До этого весел было. Ребята приходили, накуривали, вели нескончаемые беседы обо всем и только в полночь уходили, оставляя молодых супругов.

Ребятишки попрежнему любят забегать к ним, поделиться новостями, но сейчас Марина строже и гонит парней курить в коридор.

— Ребенку нужен покой и чистый воздух.

Тотаришам по комсомолу не нравился этот «штиль» в быту Чугунова, и осторожно они высказывали сожаление о том времени, когда он, вытянув голову, запевал песенку:

Кто ясли пополняет?

Комсомолки, друзья,

Комсомолки!

На все застарелые, холостяцкие замечания Чугунов отделялся шуточками, осторожно беря в руки орущие тельце ребенка, поднимал его высоко над голозой и разгуливал по комнате, приговаривая бессмысленные и ласковые слова. Ребята, сидевшие в комнате, ухмыляясь, следили за каждым шагом счастливого отца.

— Сын у меня хороший, 6 месяцев, — и, к удивлению товарищей, он, завернув рубашонку, начал целовать спину, приговаривая все время:

— Вот тебе и шлепанцы, — и не сдержался, вlepил ниже спины сочный поцелуй.

Ребята рассмеялись, подталкивая друг друга. Все было бы хорошо, если бы один из них не бросил реплику:

— Нашел, где целовать, ведь это мешанство. В наше время дети нужны. Нежничать-то с ними незначем, да и вредно им и нам. Мы связываем себя цепями. Нежность связывает. Я не буду таким.

Чугунов передал ребенка жене, которая его укладывала в постель, перетряхивая подушку.

— Ты, Алексей, чушь несешь. Я знаю, вы недогольны, что я упорядочил свою личную жизнь, и думаете, что из Чугунова вырастает мешанин, но сказать этого не можете, не имеете права. Я люблю своего сына, нянчусь в свободные часы с ним и это право отца нельзя отнять. Прошло время безалаберщины. Хорошим тоном у нас считалась неряшливость в быту, и горячие, прекрасные на работе, мы черствели без привязанностей—таких законных, таких необходимых.

Ваше молодецество отдает равнодушием и тоской. Парни вы хорошие, но стоит вам отойти от работы, как вы смеетесь над тем, к чему не грех стремиться и к чему вас глухо тянет. Если на то пошло, расскажу вам все.

Для меня отцовство не только личное чувство, оно больше, чем личное. Я комсомолец и коммунист, всегда готов к походам, к победам и поражениям, и смерти. Мне легче бороться в сознании того, что за мной сотни тысяч твердых людей и один сын. Волнующее интимное чувство отцовства не спорит с коллективизмом, не мешает жить.

Короткая и злая речь Чугунова ребят усовестила, и, мямля, они заговорили виновато о чем-то другом, а улучши минуту собрались домой, ссылаясь на поздний час.

После памятной беседы ребята стали суше с Чугуновым, не сплетничали и не так часто забегали к нему.

И М Е Н Е М

Очерк

В очерке А. Карцева рассказывается подлинная, основанная на фактах, история об Антуане Жослене — новобранце французской армии. Это яркая страница из той повседневной борьбы, которую выносят на своих плечах тысячи молодежи в странах «капиталистического рая».

Близится осень.

Солнечно-ласков день. Протяжно и звонко перекликаются по широкому плацу сигналы горнистов. Торопливая трескотня барабанов выводит колонну за колонной на геометрически-прямую линию бруствера, и только плещущие в теплом ветре флаги нарушают мертвую неподвижность каменеющего по команде строя.

Военный лагерь Рюшен, главная база Турского округа, встречает пополнение.

Последние батальоны, спешно выравниваясь, занимают свои места за валом артиллерийской бригады под гневные окрики командиров за двухминутное опоздание.

И в тот же момент запели трубы оркестров навстречу туманному, в пыли, пешему строю, тесными рядами выходящему из-за последнего поворота шоссе.

По широкой тополевой аллее 135 пехотный полк входит в главные ворота Рюшенского лагеря.

Волной перекатываются по фронту приветственные крики с обеих сторон. Широко улыбаются молодые загорелые лица новобранцев в ответ тысячам таких же юношеских, встречающих их глаз.

Коротким галопом проскакала небольшая группа, сопровождающая коменданта лагеря, и остановилась на холме у ворот.

В медноголосом гуле труб и криков не слышно коменданту слов рапорта командира прибывшего полка.

Но господин комендант уже знает о «качествах» прибывшего пополнения из инструкций окружного штаба.

Он уже знает, что десяток молодых лионских ткачей, случайно попавших в этот полк, целиком сформированный из новобранцев безансонских деревень, уже кое-чем повлял на флегматичных крестьянских парней.

И поэтому господин комендант хмур, а веселые улыбки в глазах этих здоровых, сильных парней, в то время, как они церемониальным маршем проходят мимо него в отвезенное для них крыло лагеря—только увеличивает его раздражение.

* * *

Опасения оправдались—через неделю Рюшенский лагерь был уже беспокойным, глухо гудящим ульем. Безансонцы 135-го полка нарушили спокойное течение казарменной муштры.

Когда молодой новобранец телефонной роты, поставленной под двойное дежурство за неудачный взлет футбольного мяча, испугавшего офицерскую лошадь, упал в обморок на восьмом часу дежурства,—вся рота подписала апелляцию на имя коменданта лагеря с просьбой о замене виновного офицера.

НЕЖНЫЕ ОБЯТИЯ: Французский президент Думерг, целуя, награждает «верное офицерство».

Р Е С П У Б Л И К И

А. КАРЦЕВА

Когда же дежурный офицер сорвал в 4-й роте со стены плакат, вывешенный солдатами-комсомольцами к Международному юношескому дню, на другое утро такие же плакаты появились во всех ротах полка, кроме выведенных в караульный наряд.

Полк глухо роптал и волновался, заражая недовольством и брожением остальные части лагеря.

И тогда случилось то неожиданное и ошеломляющее, что создало 135-му пехотному полку беспокойную славу «красного».

Было это так:

* * *

В туманное сентябрьское утро сержант перешел Антуану Жослену, рядовому «той самой» четвертой роты, из «ятое и, очевидно, подклеенное письмо».

Жослен был комсомольцем.

Всего за месяц перед призывом родился мальчик у молодой жены Антуана Жослена.

И вот короткие прыгающие строчки письма несвязными толчками ворвались в сознание, цепко и мучительно перехватили горло...

Болен сын. Болен опасно.

* * *

Командир четвертой роты никогда еще не удалялся так, как при виде рапорта рядового Жослена—с просьбой о пятидневном отпуске, «в виду тяжелой болезни сына». И только безграничное изумление перед этой неслышанной вольностью помешало ему грубым окриком выгнать дерзкого солдата. Но через минуту какая-то мысль мелькнула под рыжими ресницами, и толстые губы усатого рта растянулись в кривую и странную улыбку. И голос командира прозвучал необычно мягко для удивленного, в свою очередь, Жослена.

— Разрешить отпуска не могу. Но... ты можешь идти в канцелярию г-на коменданта и... просить г-на лейтенанта де-Норман, чтобы он доложил о твоей просьбе г-ну коменданту. И... ты скажешь г-ну лейтенанту, что я прислал тебя с разрешения командира полка. Может быть...

Антуан Жослен не слышал конца фразы,—он уже видел себя сидящим в поезде, отходящем в 8 вечера на Трувиль и Безансон... И почти бегом торопился в канцелярию коменданта.

А рыжие усы медленно шевелились над трубкой телефона.

* * *
Г-н лейтенант де Норман принял рапорт Жослена, опуская трубку только что давшего отбой телефона.

Лениво роняя слова, он перечитывает короткие строчки рапорта. И длинный ноготь, как бы машинально, подчеркивает на шершавой бумаге: ... «в виду тяжелой болезни сына»...

Жослен, стоя навытяжку, вздрагивает. Ему кажется, что этот блестящий, подкрашенный ноготь может перечеркнуть жизнь его мальчика.

Незаметно для себя, он делает шаг вперед...

И тогда, не поднимая глаз от бумаги, лейтенант говорит односторонне и тягуче, словно самому себе: — Ты можешь ехать к твоему сыну... как только назовешь автора плаката, обнаруженного в твоей роте... утром четвертого сентября...

И ждет ответа, попрежнему не поднимая глаз.

Проходит томительные секунды молчания.

Потом лакированный пробор лейтенанта де Норман резко откидывается на спинку кресла, и золотые снопы солнечных пылинок перебегают, кружатся и танцуют, на белые шурфы аксельбантов.

На миг пустые, словно невидящие, холодные глаза встречаются с горящими зрачками Жослена.

Еще миг... ни звука. Только глаза солдата жгут и грозят...

Короткий и четкий поворот, как в строю, кругом.

Резкие, быстрые шаги... И вслед скрывающейся за дверью спине Жослена стывает стеклянная улыбка на лице г. лейтенанта.

* * *
День прошел.

Затрубили к вечерней поверке.

Антуан Жослен одиноко лежал на валу бруствера, охватив руками горящее лицо, устремив глаза в тлеющее зарево заката.

За рекой вставал тонкий пеленой туман. Тихо шелестели в нарастающих сумерках тополя над головой.

А в пылающем мозгу юноши пронеслись то стеклянные глаза под блестящим пробором, то маленькая деревянная кроватка в белом домике далекой родной деревни...

К вечерней поверке Жослен опоздал на три минуты. Но ни командир, ни сержант не заметили этого, по крайней мере, сделали вид, что не заметили.

Но утром Жослена вызвали в канцелярию коменданта. С каменным, словно постаревшим, лицом стоял он, как вчера, навытяжку перед столом лейтенанта, которого еще не было в комнате.

Наконец, он вошел с распечатанной телеграммой в руках.

— Может быть, теперь ты скажешь мне?

Голос лейтенанта звучал почти любезно, рука в расчитом обшлаге медленно помахивала телеграммой в воздухе в двух шагах от лица солдата: — Здесь есть для тебя важная новость...

Жослен все молчал. Молниями неслись в голове и радостные и страшные догадки.

Лейтенант, наблюдая за ним, медленно поднял с белого ключку другую руку, словно собираясь азорвать его.

И тогда, сорвавшись с места, забывая, что губит и дело и себя, Жослен рванулся к столу, протягивая руки к белому листку:

— Плакаты—я... у меня! Дайте же телеграмму, господин лейтенант!

В стеклянных глазах лейтенанта загорелся мертвый, холодный огонь, и он через стол швырнул

телеграмму солдату. А свободная рука уже нажимала кнопку звонка.

Судорожным движением Жослен схватил телеграмму. Там стояло:

«Жан умер вчера ночью».

Комната закружилась и поплыла в окно в мутно красном тумане.

Из коридора входил, звякая ружьями, дежурный конвой.

Жослен оглянулся. У окна на металлическом цоколе тяжело громозилась бронзовый бюст маршала Фоша. А на плачу, за окном, дробно и мерно трещал барабан, и длинная серая лента новобранцев перестраивалась и расходилась в широком квадрате, еще нестройно и неумело выполняя по команде ружейные приемы.

...Неповторимый бешеный гнев опрокинул тогда острую скорбь и муку Жослена.

Одним движением сорвал он с пьедестала холодную массивную бронзу и с размаху швырнул ее в стеклянные глаза лейтенанта, еще шурившиеся в злорадном смехе.

* * *
9 октября 1927 года Турский военный трибунал приговорил Антуана Жослена, рядового 4-й роты 135-го пехотного полка, к пяти годам каторжных работ за распространение большевистских плакатов и призыв солдат к восстанию и дезертирству. Считая приговор чрезмерно мягким, трибунал мотивировал свое «снихождение» «несознательностью» подсудимого.

Но это не обмануло никого.

Безансоны знали, что умышлено о покушении Жослена на убийство лейтенанта де Нормана, оставшегося к тому же невредимым, вызвано лишь опасениями, что расследование могло бы раскрыть гнусную игру на отцовских чувствах юноши и вызвать нежелательные разоблачения быта и режима Рюшенского лагеря.

И в ответ на приговор, прочтенный по ротам и эскадронам для устрашения, комсомольцы Рюшена в тот же вечер организовали демонстрацию, в которой приняла участие почти вся солдатская масса Рюшена.

Полыхали алые полотнища в колеблющемся пламени факелов, гремела «Интернационалом» грозная мощь тысяч голосов, и перед штабом коменданта, не переставая, кричали из толпы, требуя освобождения Жослена.

Командование молчало, не имея ни доводов для убеждения, ни достаточных подкреплений для разгона демонстрации. И, может быть, где-то глубоко под шитьем генеральских мундиров шевелилось сознание гнусной наглости следствия и суда над комсомольцем Антуаном Жосленом.

На второй день, вместо ожидаемого прекращения волнений, в лагере с удвоенной силой вспыхнул протест; дождь листовок сыпался в помещения рот и эскадронов, сотни подписей собирали шершавые листы серой бумаги с требованием свободы Жослену.

А к вечеру, когда в темноте трудно было следить вожаков, снова и снова бушевали толпы, снова и снова гремел «Интернационал» многоголосно, вызываяше и победно...

* * *
И на утро третьего дня лагерь узнал, наконец, об ответе на протесты двухдневных демонстраций: «Рядовой Антуан Жослен, «на основании дополнительных данных» о его революционной деятельности, присуждался не к пяти, а к десяти годам каторги...»

И когда темный большой ком, крахтя, поспе на леску, он зашипел жарким густым шопотом:

— Шпионов не шшт... Тех самки!

— Каких еще шпионов? — у лескиного уха

зашипела потухшая трубка.

— Эх, мей! — Леска от возбуждения встал на колени. — Намедни в гавстине читал я тебе про шпионов? Ну, что из Ленинграда-то бежали...

— Верно, читал, — согласился мей, чиркая спичкой.

В полумраке под лодкой заблестели широко открытые лескины глаза.

— А в документе у дамского что сказано? — торжествующе спросил Леска и споротворкой

ответил, — командируются в районе ладожского озера с секретным поручением. И пошкано ПП.

— Ну-к-что ж? — споконно отозвался мей и зашмыгал трубочкой.

— За шпионами и командируются, — убежденно закончили Леска и опрокнинулся на тулуп.

— Эх, ты... математик! С чего ж взял, что за шпионами-то?

— Спросил.

— Ну? У их и спросил? — в голос мейа проваучало любопытство.

— У них, Горбонский так это на меня поглядел. Ты космомолец? — говорил, испичипируя пар-тиниюю занешть? Ну, так смотри, чтоб ни гу-гу!

Мей встревкожилос. Красный огонек мелькнул дугую вниа мимо Лески.

— Непутящий ты, Леска. По-старому говорят — не суй носа в чужое просо. Ну, что ты в секретные дела путаешься?

— Ничего, — соединяет, — усноконтегильно противу Леска. — У и тебя, мей, припили.

— То-есть, как это припили?

— Леду моему, говорю, Савватия можно сказать, лучше стараться будет. Он, говорю, хотя и беспартиный, а за советскую власть борой.

В семнаплатом Зимний воевец брал и комитет. Чиком был. Боевой, говорю, старичина...

— Ну, ну, — самоповольно перебил мей, — ты расхваливать.

Трубка вернулась на свое место, с треском вспыхнула красными огоньками, сверкнули маленькие живые глаза, выскокили широкий нос, и заструилась вниа сивая борода.

— Покорей бы выехать намю, — озабоченно

сказал Леска, — торопил они.

— Негляз, брат. Ишь непонотья. По рассвету

не уломонитос.

Накниву от пождия на

голору тулуп и прибер-

ми, Леска выскокил за

дверь.

И сейнас же, точно

покинул за ултом извез,

смаху набросился на него

сердитый ветер. Ваяли

парусом тулуп, захлопал

пустыня дукавами по

голове и захлестали мок-

рыми тряпками по рукав

и ногам.

— Деду-у! — крикнул

Леска нво всей силы,

но ветер схватил в пух-

лые горсти звуки его го-

лова и швырнул на-земь.

Паваряясь босями но-

гами по жирной грязи,

Леска подбежал к бере-

гу, где расплывчатм

кляном вынилась опро-

кинутая лодка. Черные

волниые холмиа с проме-

танками в них босями

лодками тижко хлю-

пали в подолги берей.

Свеченото неба падал

в озеро, крдуло затигазь

темным краем, низкий

потолок гуч.

— Ты что? — спросила

горочаренная у ваярду-

того борта фигура.

Леска пролезл под ее

рукою в открытой зав-

лодку и, примостившись

поулочеб, таинственно

проваил оттуда:

— Лоче сора, мей!

Что я тебе расказжу-то!

Дед ухмыльнулся в

бороду, с размаху стук-

нул молотком над Лес-

киной головой и подпол-

жал, хитро сморщив нос.

— Да мей ма! — неуп-

ривно и глухо провау-

чалю из-под лодки.

— Видать, все трое партийные,—голос у Леськи серьезный и задумчивый.

— Не иначе,—подтвердил дед,—на такое дело всякого не пошлют.

Сумерки сгустились в ночь. Дождь почти перестал, и редкие капли тяжело шлепались над головой в борт лодки.

Леська прислонился к дедову плечу и задумался.

Думал Леська о партии.

II

Над озером виснул прозрачный туман. Было оно в широких розовых складках, ласково трогало берег легкой волной, и с трудом верилось, что это оно так буянило ночью. У берега покачивалась тупорылая большая сойма, и с верхушки мачты по свернутому в жгут полотнищу паруса растекалась красная усмешка зари.

Леська обогнал трех в шлемах, наклонился к волне, поймал ее горстями и брызнул мутноватой водой себе в лицо. Приятный холодок дробью чиркнул по телу, и Леське стало весело. Приложив руки ко рту, он закричал озеру:

— Га-га!

И тотчас же сконфуженно обернулся. Сзади стояли трое в переплетках ремней и с револьверами у пояса. Лица их были строгими, далекими от Леськиного веселья.

Леська виновато улыбнулся и сказал в оправдание, махнув рукою:

— Озеро...

Тогда улыбнулся и рыжий, и пронзительные глаза его стали мягче.

— Знаю, что не море. Однако, мы торопимся. Где же твой дед запропастился?

— А вон он!

Савватий с багром на плече торопливо спустился к берегу.

— Дедун, все готово?—озабоченно крикнул Леська.

Савватий поднял лодку ближе к мосткам и только тогда строго ответил:

— Можно ехать, товарищи.

Суетливо расселись. В движениях троих была тревожная торопливость и настороженность. Леська подметил это, и ему снова стало стыдно за свою ребячливость.

«Люди на такое дело, может, на смерть, едут, а я...» подумал он смущенно, развязывая бичеву у мачты.

Дед налег на багор. Привычно поймав ровную струю ветра, Леська быстро закрепил косою парус. Сойма вильнула круглым носом, припала бортом к воде, но сейчас же выправились и, вздрогнув, понесла ставшее стройным тело, ломая волны.

— С богом!—глубоко выдохнул рыжий и, неожиданно сняв шлем, перекрестился широким крестом.

Леська с удивлением посмотрел на него.

«Значит, не коммунист»,—подумал он разочарованно.

Лодка летела птицей, подставив ветру косое крыло паруса. Рыжие от солнца волны, уступая дорогу, звенели о борта тихими всплесками.

Туман давно стоял. Солнце грело затылок Леське, и ему было по-особенному хорошо и от солнца, и от легкого быстрого бега, и от сознания, что и он тоже не пятая у собаки нога в этом важном деле.

Рыжий сидел на дне лодки спиной к носу. У борта привалился самый молодой (Леська слышал, как его звали Жоржем) с яркими, как у девушки, губами и бледным, истомленным лицом. Только горбоносый кавказец пристально смотрел в сторону Леськи, поверх его головы, словно отыскивая что-то за его спиной.

— Спит,—дружески кивнул ему головой на Жоржа Леська.

Но тот только прикрыл веками черные с синеватыми белками глаза и снова открыл их, ничего не сказав.

«Молчат, все молчат,—с отчаянием подумал Леська,—неужто в ГПУ все такие неразговорчивые?»

Солнце пригревало. Леська уселся поудобнее и не заметил, как вздремнул.

III

— Савватий!—резко сказал рыжий,—поворачивай тудал!—и он рукою указал от себя налево. Жест был отрывист и неожидан, как удар ножа.

Савватий недоуменно заморгал глазами и выставлял вперед бороду.

— Куда ж это, товарищ? Нашего берега там нету. Финляндия ведь...

— Разговаривать будешь?—жестко, металлическим голосом отчеканил рыжий и, встав на ноги, положил руку на кобур.—Военные тайны тебе открывать?

«Чего это он так?»—с неудовольствием подумал Леська.

Он во все глаза смотрел на деда, ожидая шкиперской команды.

— Ну, ждать буду!—крикнул рыжий, и браунинг, матово блеснув, прыгнул у него в руке.

— Да ну же, скорей, дурень старый!—одними губами попросил Леська, боясь, что дед заупрямится.

Но Савватий метнул в него маленьким гневным глазком и тихо, ровно сказал, как командовал он всегда:

— Давай!

Глазок перескочил на рыжие усы, и, трясая бородой, дед выкинул сбивчивые слова:

— Не след это... Ежели надо, и сам сделаю...

А этого мы не боимся, приучены...

И, нагнув голову, дал руля. Леська уже перекинул парус, и сойма, словно утюгом разгладила мутные волны, повернула от берега в открытое озеро.

Возвращаясь на свое место, Леська увидел хищные глаза кавказца, его пружинное тело, припавшее к выставленной колену, и черное дуло револьвера в выброшенной вперед руке.

— Фу, чорт! Белены об'елись,—уже злобно прошептал он.

Усевшись, Леська угроמו посмотрел на Жоржа. С блуждающими глазами он сидел, опираясь спиной о борт. Леська подметил, как судорожно дернулось слева направо его лицо, и шлепнулись без звука губы.

— Уже? В Финляндию?—с трудом выговорил он и поочередно взглянул на товарищей.

— Нет, в Кремль с повинной,—презрительно оттопырил губу рыжий.—Там ждут таких идиотов, как вы.

Леська вздрогнул и впился в обоих глазами. Жорж вскочил и, перекосив в страшной гримасе лицо, крикнул истерично:

— Я идиот, а вы предатели!..—он задохнулся.
— Ха! Князь Трубешкой—шпион и преда-
тели!

У Леськи похолодели руки.

Огушительно бухнул выстрел. Жорж поперхнулся словом, взмахнул руками, словно собираясь прыгнуть. Сильно качнулась на ходу лодка.

Это было так неожиданно и быстро, что Леська не заметил даже, кто выстрелил. Он успел только увидеть мелькнувшие в воздухе сапоги и убегающую по воде ярко-красную струю.

— Зачем, Авальяни?—спросил Трубешкой, болезненно скривив лицо.

— Так лучше,—ответил тот, хищно обнажив зубы, и хлопнул револьвером себя по ноге.

— Слушай, старик!—обратился он к Савватию. Объяснять тебе нечего. И так понятно. Вы довезете нас и оставите чью там, где я прыгну. Если все сойдет благополучно, будете живы. Если же что...—он выразительно взмахнул револьвером, — о б о и х, понял?

Леська подбежал к деду. Дед взял его голову в руки и сказал хрипло: — Ваша сила.

И сел за руль.

Леська упал около деду, вжал голову ему в колени и сдал зубы, чтобы не закричать. Но крик стоял внутри, и Леська ясно слышал его.

Так пролежал он долго, чувствуя на теле тяжелую и нежную дедову руку.

Когда в нем перестало кричать, и в голове стало тихо, Леська приподнялся и сел возле деду, спиной к тем.

Другом тихо и пустынно. Берегов не видно. Далеко-далеко одинокими тычками разбросались по водной равнине рыбацкие паруса. Некому помочь.

IV

Леська скучными глазами смотрел вперед. Вдруг он приподнялся и встревоженным взглядом впился в горизонт. И тотчас же глаза его расширились и потемнели.

— Что увидел?—всматриваясь, шепнул дед, глаза его уже далеко отставали от Леськиных.

— Ничего,—твердо ответил Леська и даже зевнул судорожно,—кажись, лодка.

Он повернулся лицом к корме.

— Дай-ка, деду, я поправлю.

Савватий не успел ответить. Леська за его спиной быстрым движением выдернул руль из закреп-

— Эх, выскочил, чорт!—ругнулся он,—поправь-ка дед!—и сунул руль ему в руки.

Леська не слышал, как бранился Савватий, всем телом перегнувшись через корму и насаживая руль на место.

Жилка на виске уже не билась. Голова была ясна. В нее вошла холодная и простая мысль, от которой потемнели Леськины глаза.

Леська бросился к матче.

В то же мгновение на встречной лодке метнулся красный комок, и разом упал парус.

У Леськи от сердца в голову забил пьяный буйный хмель. Раздернув полотнище второго паруса, он туго прихлестнул его нижний конец. Гигантской бабочкой лодка развернула в сторону два крыла.

Савватий поднялся от кормы, вгляделся и от ужаса у него перехватило голос.

Диким зверем прыгнул он к матче и схватился за парус, беззвучно разевая рот.

— Дед, не трожь!—в гневном восторге завыл Леська и, вцепившись в веревки, с силой оттолкнул старика.

— Что такое?—вскочив, злобно блеснул на Леську глазами Авальяни и выхватил из кобура револьвер.

— Спрячь пистолет, гражданин,—шпион!—куражась, закричал Леська.—Смерч идет.

Вперед, чуть отделившись от горизонта, вырвалось из воды большое, грозное облако.

— Что же делать?—упавшим голосом спросил Трубешкой.

— Сымай паруса!—натужным шопотом про-

сипел он.

Леська вскочил на борт.

— Брошусь!—в веселом иступлении крикнул он и занес ногу над водою.

Дед остановился и оторопело посмотрел на Леську.

— Убира-ай паруса-а!—слабо, чуть слышным эхом доносилось по воде.

Это кричали с рыбацких лодок.

Леська печально улыбнулся. Савватий еще раз рванулся к матче, но Леська перекинул ногу через борт и строго, внушительно, как ребенку сказал:

— Дед, вспомни Зимний!

А уже замечались испуганно волны. Уже задрожала всем телом лодка. И все крепчал, зарожившийся где-то вдалеке, грозный воющий гул. Ближе... Громче...

— Прощай, дед!—в смертной тоске прошелтал Леська и поцеловал пушистую бороду.

...Браунинг, матово блеснув, прыгнул у него в руке.

ЖИДКИЙ ЦЕМЕНТ

(По поводу новой повести «Пьяное солнце» Ф. Гладкова)

ЕЛЕНА Л.

Солнце, горы и море

Солнце, горы и море. Далекий, зовущий к себе юг! С какой жадностью люди после долгой северной зимы рвутся в его солнечные палаты! Долгие месяцы городской суматохи, физического и умственного напряжения, шумности, сдавленности, перенаселенности... И вот наступает час, когда горно-морской воздух, горно-морские дали, когда бронзовый лак горячего солнца—надежда десятков тысяч людей.

Выйдите тогда на перроны вокзалов, проводите поезда, отходящие к югу, вслушайтесь в последнее пожелание отъезжающим и вы поймете, какое желание бодрости и здоровья воодушевляет всех этих «счастливых», владеющих билетами и путевками в гигантскую людскую здравницу.

Молодые лица смотрят на вас из окон отплявающих вагонов, все эти парни и девушки—сухovatые, побледневшие за зиму—с первым перестуком колес чувствуют себя чудесно-переносимыми в сказочную страну.

А сколько воодушевления и впечатлений привезут они с собой через каких-нибудь 2—4 недели...

Пьяно ли солнце?

Но полно, так ли все это? Таков ли на самом деле этот пресловутый юг? Не кажется ли он прекрасным только издалека? Может быть, за белыми колоннами санатории душно и навозно? Может быть, в своих чемадонах люди натащили туда «грязного белья» и свалили в одну кучу все, чем болел каждый в отдельности? Может быть, горячее солнце юга—«пьяное солнце», и под его жгучим дыханием лишь ускоряется разложение? Может быть, все то, чем наболели люди там—на работе, на севере, здесь—в душном безденежи—всецело овладеет ими, и они опустятся до конца? И какую бы античной ясностью не старалась блистать окружающая природа—она окажется бесильной перед мутным потоком чувств, настроений и отношений, который прихлынул вместе с поездами, переполненными жадными солнцелюбниками...

Послушайте любопытную историю, и вы можете быть согласны, что это именно так. Мы говорим о новой повести Гладкова «Пьяное солнце», опубликованной в «Новом Мире» (№№ 8—9).

Девушка-чайка

Комсомолка Маруся, вожатая пионерского отряда, попадает в санаторий для нервно-больных. Девушка, очевидно, достаточно поистрепала себя на работе и поэтому ее усиленно лечат. Но болезнь далеко не убила ее молодого и радостного отношения к жизни. И юг, развернувшийся перед ней во всем своем блеске, всецело овладевает ее восторженностью. А восторженна она, пожалуй, даже сверх меры... Описывая ее душевные движения, Гладков без конца изображает свою героиню птицеподобным существом. Если Маруся идет с лестницы, то автор говорит о ней: «она крылато спустилась», в окружающем ей кажется «все воздушно

все в полете», «вы вся в мечте и в полете»,—говорит ей партиз Акатуев, и дальше она то «пернатая, невесомая чайка», то «птицей мелькает между колонн», то видит сны, «где летает легко и свободно», и т. д. без конца. Правда, читателю с первых же строк кажется несколько подозрительной такая душевная выпрессовка героини, за этой «невесомостью» он чувствует недохватку удельного веса в настроениях девушки. И подозрительность читателя впоследствии оправдывается. Но пока, что, казалось бы, могло помешать Марусе подышать морем и солнцем и окрепшей вернуться в «родные палестины» к своим «красным галстукам»?

Чужой неизвестный

Молодость свойственна увлеченью. И в повести мы встречаемся с Марусей в начале ее любовной дружбы к симпатичному, казалось бы, пареньку-комсомольцу Мазину, агитпропу какой-то ячеек какого-то его родного города... Утреннее пробуждение девушки и ее нежная встреча с Мaziном предшествуют всем дальнейшим событиям повести. Но, как об этом постя и в романсе, нашей девушке-чайке вскоре предстоит встреча с «чужим неизвестным»—в лице старого партийца Акатуева... Эта встреча не только прерывает мирные развития маруся-мазинской лирики, но и предвещает события к дикой развязке.

Акатуев? Мало того, что это ответственный работник и переутомившийся, но и исключительный человек. «Чужой всем, особый и заметный, был он одинок и крепко замкнут», как его характеризует автор. Что удивительного, если Маруся (особенно, приняв во внимание ее энзальтированную наделенность), встретившись с таким человеком, почувствовала себя «ослепшей и растерянной»? Правда, наивность сквозит в ее переживаниях этой встречи с коммунистом (иногда кажется, что Маруся до того времени не встречалась с такой породой людей), но оставим это... а пока для нас достаточно и того, что массивная фигура партийца накрепко заслонила перед комсомолкой ее комсомольского партнера.

Акатуев также быстро побеждает Марусино сердце, как быстро потом и раскаивается в этой «слабости». Он на скорую руку собирает чемоданы и, драпируясь в мантию благородства и добротели, покидает санаторий... При всей схематичности его фигуры Акатуев был бы интересен для анализа большой темой: правли партии, так нерасчетливо подлечивающий свою усталость. Но оставим и это. Для нас важнее, что после встречи с Акатуевым Маруся почувствовала, что «произошло какое-то огромное событие, которое перевернуло всю ее жизнь»... А какое событие лучше всего превращает жизнь девушки?

Комсомольский Ромео

Мы не знаем всех переживаний Мазина в момент интервенции его возлюбленной сильным дебютантом Акатуевым. Но как вы думаете, должен ли бы поступить комсомолец? Полобуйтесь же, товарищи, как этот, казалось бы, преданно-любленный комсомольский Ромео (а Ромео—клас-

сический образец преданной любви) расправляется со своей Дюльетой после ее «измены».

Кстати отметим, что до «грехопадения» Маруси Мазин делает ей, между прочим, такое поистине агитпроповское признание: «до сих пор (т.-е. до встречи с Марусей) все девушки мне казались марафетками (?), а работа с ними—кукольной комедией». Очевидно, исключительная обаятельность Маруси опрокинула эти его недостойные убеждения.

Но вот Маруса поехала побывать наедине с Акатуевым на скалах у обрыва к морю, и Мазин резко меняется. «Ну, как, гражданочка? Очухалась и выползла? Как с гуся вода?»—встречает он девушку после мучительных для нее переживаний. За словами следует грубое лапание и уже покрикивание: «веди, иди!.. Нечего егозить: разгнывает из себя недотрогу, какая невинная девушка—подумаешь! А с Акатуевым можно было валяться на траве и наслаждаться природой? Все вы—на один манер: все вы любите, чтобы вас лапали, как кур». Или дальше: «Все вы, шлюхи, одинаковы, хотя и комсомолки. Я был дурак и балда, что манежился с тобой, как с Маргаритой. А всякая Маргарита всего-навсего только похотливая кошка».

Не достойны ли все эти монологи быть переложены на музыку и войти в оперу «Чубаров пелок», если такую кому-либо придет в голову написать?!

Пляска теней

Вы думаете... Акатуев допустил «минутную слабость», Мазин в решительную минуту вырос в чубаровца... и на этом можно поставить точку? Мало, товарищи! Продолжение следует!..

Вот когда Мазин был еще нежен, когда еще Акатуев не выступал на сцену и еще нельзя было предвидеть всей этой истории, Маруса идет по коридору санатория... И вдруг... «несколько парней-комсомольцев (подчеркиваем—комсомольцев!) в брюках клеш, в белых рубашках и с широким тюрботом на груди, подняли навстречу ей руки, загородили дорогу и заборали, как * бешеные: «Ура, ребята! Бери на абордаж! Она гуляет с одним. Мазиным... Не допускать! Нюхай, чем она сейчас пахнет. Жми там, где мягче. Выпаривай из нее мешанство». И они «спутили ее руками придавили и забарахтались, задыхаясь и рыча ей в лицо». Перед девушкой мелькают «оскаленные зубы» и «влягушские глаза».

Такое появления—какой-то своеобразный аккомпанемент в повести. Они же и завершают ее действие. Когда Мазин достаточно резко, как было уже сказано выше, объяснился с «изменившей» ему «комолькой» и решил в заключение на изнасилование, в это же мгновение выступает все та же банда комсомольцев: «в порыве сознания она (Маруса) увидела откуда-то со скал закувыркались черные крылатые тени. Кто-то наступил ей на ногу, споткнулся и упал. От боли она коротко вскрикнула, но липкая и вонючая рука вросла в себя ее губы. Потом поволочили ее по камням и сразу бросили в вонючую яму».

Так кончается повесть о девушке, приехавшей отдохнуть, поправить свое здоровье, отлечься солнечным днем юга. Смятая, в разорванном платье, сторбившаяся проходит она перед читателем в финальных сценах повести, и недоуменный вопрос срывается у нее: «разве же так можно жить?»

Как же читателю утратить в своем сознании так показанную жизнь? Вель, «Пьяное солнце» нельзя прочесть и забыть, как веселую выдумку. «Пьяное солнце» начнено до отказа и, не переживав этой начинки, читатель остается в недоумении.

Не слишком ли стеснил краски автор «Пьяного солнца»? Нам кажется, что это именно так. Возьмите два-три описательных куска из повести, и вы достаточно в этом убедитесь...

Можно ли без внушения поверить, что такое, например, описание: «в комнате, где сутоло прилипали к столуки игроки, тоже все были слепые, и в душной тишине люди слушали только сами себя, шелканье костей и шелест карт—относится не к игорному притону, а к обычному вечернему отдыху в санатории, когда люди беспечно поигрывают в козла или в лото».

Не покажется ли вам, что вы присутствуете на подпольной вечерке, читая, например, такие строчки: «на диванах томными рядами сидели мужчины и женщины и громко смеялись, «жали масло», и лица у всех были немного угарные, и в глазах играли блудливые намек». А, ведь, в изображении Федора Гладкова это должно было обозначать не больше, как очередь больных за процедурами.

Читатель недоумевает, покуда перед ним совершается все это упрямление в «мрачноты», ему становится душно... но вдруг он совершенно отчетливо начинает понимать, что его не больше, как страшают.

Палка о двух концах

За кого и за что хотел заступиться Гладков, набрасывая такой жуткий фон повести? За человечность, за чуткость, за дружеские отношения? За девушку—не в чем неповинную и прямо растерзанную многочисленными притязателями на нее? За выравнивание нашего нутра с нашими убеждениями? По всей вероятности, именно такие благородные цели ставил перед собой автор.

Но зачем же он ставил людей в искусственную обстановку санатория и там наградил их вместо обычных для такого учреждения болезней—самыми показательными пороками современности? Зачем само солнце вместо жизненной и организующей силы он сделал «пьяным солнцем»? Это нам кажется уже пессимистической проповедью развала.

Поэтому и светлый фланг его повести—восторженная Маруса, начиненная и идеалистической экзальтированностью и подражательными ура-комсомольскими замашками, и ее черный фланг—горлообразные комсомольцы, стуженные до неестественной черноты, кажутся неестественными и вымышленными образами. Все это от того, что автор взял слишком густой и мрачный фон и оказался вынужденным чрезмерно белить свою героиню и чрезмерно чернить свои «привидения».

Следует ли так распутывать большие клубки наших дней? Нам кажется, что нет, что это палка о двух концах. Как пущи и не достигают сердца сладкие подкрашивания и патентованный оптимизм (есть и он в нашей литературе), так же едва ли помогает нашему росту комбинированная подача разложения.

Нужно признаться, что в «Пьяном солнце» больше алкоголя, нежели цемента.

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва. Центр. Новая пл., д. 6

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„СМЕНА“

Романы, повести, рассказы — путешествия и приключения — жизнь и быт молодежи — фото-хроника — новости науки и техники — шахматы и шашки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОД

Подписная цена на журнал „СМЕНА“ в 1928 году снижена на 50%

Цена отдельного номера в розничной продаже вместо прежних 20 к. только 10 коп.

В предстоящем 1928 подписном году журнал «СМЕНА» будет выходить в реорганизованном виде и измененном формате и даст на своих страницах

ДВА БОЛЬШИХ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ РОМАНА ОДИН БОЛЬШОЙ РОМАН ИЗ БЫТА МОЛОДЕЖИ

Повести и рассказы лучших современных русских и иностранных писателей. Стихи А. Безыменского, А. Жарова, М. Светлова, И. Уткина и других лучших комсомольских поэтов.

Путешествия и приключения на суше, на море и в воздухе.

Жизнь и быт молодежи — постоянное обсуждение вопросов быта молодежи при активном участии читателей и борьба за новую культуру среди молодежи.

Молодежь на суде — важнейшие судебные процессы и связанные с ними вопросы.

Новости науки и техники — открытия, изобретения, достижения в области науки и техники в СССР и за границей.

Фото-хроника ознакомит читателей со всеми важнейшими политическими событиями и современной жизнью Советского Союза и стран капитализма.

Физкультура — все новости в этой области, борьба за здоровую молодежь.

Шахматы, шашки, задачи, загадки, фокусы. Турнир читателей-шахматистов по переписке.

Театр и кино.

Юмор.

Что читать читателям „СМЭНЫ“!

БОЛЬШАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛОТЕРЕЯ!

ЦЕННЫЕ БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛЕДИТЕ ЗА ОЧЕРЕДНЫМИ №№ „СМЭНЫ“